

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЮСЬ...

**КОНСТАНТИН
ГУРЬЕВ**

**СПАСТИ
ИЛИ
УНИЧТОЖИТЬ**

В сводках не сообщалось...

Константин Гурьев

Спасти или уничтожить

«ВЕЧЕ»

2018

Гурьев К. М.

Спасти или уничтожить / К. М. Гурьев — «ВЕЧЕ»,
2018 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-7865-9

Летом 1941 года в суматохе первых дней Великой Отечественной в Белоруссии пропали несколько грузовиков с документами, отправленными в Москву... Некоторые документы представляют особую важность не только для военного командования, но и руководства страны. Задание по их поиску выполняют несколько групп специального назначения, но результата нет... В этих чрезвычайных условиях по личному распоряжению И. Сталина розыск документов поручен группе во главе с опытным разведчиком Артемом Кольчугиным. Правда, состав группы очень уж необычный...

ISBN 978-5-4484-7865-9

© Гурьев К. М., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

1941 год, июль, Белоруссия	6
1941 год, июнь, Москва	8
1941 год, июль, Москва	9
1941 год, август, Белоруссия	14
1941 год, сентябрь, Белоруссия	21
1941 год, октябрь, Москва	26
1941 год, октябрь, Лондон	30
1941 год, ноябрь, Белоруссия	36
1941 год, сентябрь, Белоруссия	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Константин Гурьев

Спасти или уничтожить

© Гурьев К.М., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

1941 год, июль, Белоруссия

Шел четвертый день войны, и никто ничего не знал и не понимал...

Грузовики, вышедшие из небольшого белорусского городка, уже несколько раз попадали на глаза авиации. Наверное, для пилотов это было развлечением, потому что, постреляв на лету, они не разворачивались, не заходили для новой стрельбы, а просто летели дальше.

Правда, так было только вчера, а сегодня с утра уже сбрасывали бомбы. То ли вчерашние куда-то спешили, то ли сегодняшним уже приказали охотиться за отдельными наземными целями.

Едва эта мысль пробежала в голове Маштакова, как он испугался. Он подумал, что именно те машины, в которых ехали они, и есть те самые «наземные цели», и приказал водителю ехать быстрее, не останавливаясь, а сам вжался в сиденье и уперся руками в крышу, чтобы меньше кидало из стороны в сторону.

Но надолго терпения Маштакова не хватило, и он снова приказал водителю остановиться. Выскочил из кабины, посмотрел назад, но ни немецких машин, ни танков, идущих следом, не увидел. Ничего и никого. С одной стороны, надо бы радоваться, а с другой – и хорошего ничего нет, и помощи не будет. Значит, немец прет и прет...

Из другого грузовика глядел Коровин, и взгляд его был какой-то опустошенный. Наверное, тоже понимал, что дело плохо.

Коровину хорошо: он понимает, что все плохо, и может этого не скрывать, а вот у Маштакова такого права нет, потому что он назначен старшим и должен всем внушать уверенность, будто все идет по плану. И снова, наверное в сотый раз, вздыбилось все в душе Маштакова, и он в сотый же раз сам себя спрашивал: на кой черт было выходить из сортира именно в тот момент, когда капитан Чеглаков пробежал по коридору? Да и Чеглаков, если честно, мог бы кого-то другого выбрать, а не хватать первого попавшегося.

Но это просто, чтобы мозги отвлечь. Маштаков понимал, что искать ответ нет никакого смысла, потому что все уже случилось и теперь надо мечтать только об одном. Он вспомнил присказку руководителя шахматной секции в доме пионеров – «угроза страшнее исполнения» – и подумал, что это истинная правда.

Пусть хоть как закончится, но закончится скорее.

Откуда-то сзади послышался нарастающий самолетный гул, и Маштаков закричал:

– К лесу прижимайся, к лесу!

– Чё орешь? – огрызнулся шофер и сказал, будто про себя, но громко, так, чтобы было слышно: – Заткнулся бы...

А потом пояснил:

– Видишь, какие там рвы? Перевернуться хочешь? Так переворачивайся, но один, без меня.

И глянул на Маштакова со злой ухмылкой:

– Обдристался?

Маштаков понял, что шоферу тоже страшно. Как Коровину, как Маштакову, как всем им. А еще он понял, что сейчас нет уже никаких званий и должностей, и этот водитель с наколкой на внешней стороне кисти правой руки сейчас гораздо главнее и Маштакова, и капитана госбезопасности товарища Чеглакова, и вообще главнее почти всех, потому что от него зависит их спасение. И Маштаков сразу расхотел кричать, запрещать разговаривать с ним таким тоном, он ощутил, как внутри у него все замерло, похолодело, и слова не сказал.

Самолеты пролетели просто так, дав всего пару коротких очередей, но облегчения не было. Потому что вдалеке снова слышался приближающийся гул, и Маштаков сразу понял,

что теперь самолеты снижаются. А еще он понял, что снижаются они именно к ним. И страх, беспокойство, неуверенность прошли...

И он снова стал самим собой – Маштаковым Петром Григорьевичем, сержантом госбезопасности, выполняющим задание по эвакуации особо важного груза государственного значения.

Так спокойно он и встретил разрывы бомб, сброшенных на них...

1941 год, июнь, Москва

Телефонограмма (принята 30 июня 1941 года)

«Докладывает капитан госбезопасности Чеглаков.

Прошу сообщить товарищу наркому госбезопасности, что во исполнение его распоряжения номер... от... караваны были сформированы в следующем составе:

14 июня – 3 машины,

21 июня – 3 машины,

25 июня – 4 машины.

После этого формирование и отправка собранных материалов были невозможны вследствие вступления в город немецко-фашистских войск.

...В условиях, когда эвакуация документов и материальных ценностей была невозможна, мной было принято решение об устройстве пожара в здании НКВД, где могли остаться некоторые документы.

...Необходимо отметить, что по окончании пожара мной лично было проведено обследование горевшего здания. Осмотр проводился ночью в условиях нахождения в городе фашистских войск, что, возможно, сказалось на полноте осмотра, однако имею все основания утверждать, что документы уничтожены».

Пометка на документе (сделана вручную): По утверждению лица, представившегося особо уполномоченным по сбору и отправке документов и материальных ценностей, имеющих особо важное значение, капитаном госбезопасности Чеглаковым Р.Д., он звонил с почтового отделения населенного пункта, в котором шел бой с гитлеровскими войсками. Разговор шел с помехами и был прекращен без пояснений причин со стороны капитана Чеглакова.

Идентификация голоса капитана Чеглакова проводилась в условиях плохой слышимости и не может считаться подтвержденной.

Принято 30 июня 1941 г. в 03:17 по Москве.

1941 год, июль, Москва

Народному комиссару государственной безопасности СССР товарищу Меркулову Всеволоду Николаевичу о том, что никаких сведений о движении или местонахождении отправленных грузовиков, было сообщено только первого июля, ближе к вечеру.

Задержка была связана с тем, что, во-первых, надеялись получить хоть какие-то новые известия, во-вторых, конечно, боялись докладывать об исчезновении спецколонны с важным грузом. Война войной, а пропажа есть пропажа, и за это по головке не погладят. В общем, ждали до последнего, надеялись...

Бесполезно...

Оказалось, впрочем, что боялись напрасно. Реакция товарища Меркулова была совсем не такой, как предполагалось. Выслушал молча, уточнил, сколько времени прошло, была ли хоть какая-то информация, после того как капитан Чеглаков доложил об отправке спецколонны. Попросил подготовить справку по грузу, по срокам, по лицам, отправленным для его транспортировки, в общем, подробно, но в пределах обычного, без каких-либо дополнительных данных.

И, когда остался в кабинете один, вел себя точно так же спокойно. Будто ничего не случилось. Из кресла поднялся, стал ходить по кабинету, потом постоял немного у окна, снова походил, сел.

Народному комиссару внутренних дел товарищу Берии Лаврентию Павловичу позвонил только на следующий день ближе к полудню и предложил вместе пообедать. Берия предложил обедать у него. Меркулов согласился. Понимал, что у Берии теперь в сутках не двадцать четыре часа, а, пожалуй, все сорок восемь.

Обед, конечно, и не обед вовсе, а скорее производственное совещание, проходящее за обеденным столом и перемежаемое сменой блюд. Притом совещание неспешное, позволяющее хоть немного отдохнуть от вереницы событий и неожиданностей.

Берия слушал, не перебивая, а Всеволод Николаевич говорил кратко и по существу. Перед тем как излагать то одну, то другую позицию, подавал краткую «объективку» в двух-трех предложениях и дополнял изложенное в ней своими словами. Берия слушал внимательно, изредка задавая вопросы. При этом он одновременно водил карандашом по бумаге и делал какие-то пометки.

Выяснилось, однако, что спокойствие это было искусственным. Едва Меркулов закончил, Берия спросил почти нетерпеливо:

– Что же было отправлено в этих грузовиках?

Меркулов поморщился:

– Точных данных нет. До двадцать второго числа не передавали перечень, потому что шел интенсивный сбор всего, предназначенного к отправке в центр, и грузы формировали по мере поступления на пункт комплектования.

Он помолчал и продолжил с интонациями человека, который поясняет, надеясь на понимание:

– Мы были уверены, что успеем собрать и отправить все, что хотели. Я отдал распоряжение в некоторых случаях не задерживать процесс из-за регистрационных формальностей. Ну, а сейчас уже больше недели нет никаких известий оттуда, поэтому...

– Вообще никаких? Ни от кого? – спросил Берия спокойным тоном, которого опасались все, кто с ним работал, зная, что ничего хорошего это не сулит.

– Территория, где находилось управление, давно уже занята немецко-фашистскими войсками, и есть все основания полагать, что там все разгромлено. Нет никакой информации о том, кто уцелел, что из имущества и документации было спасено и где сейчас все это находится, – отчитался Меркулов, понимая, что ничего определенного и хорошего он не сказал.

– Это я и так знаю, – кивнул Берия. – Вы говорите, что этот капитан...

– Чеглаков, – подсказал Меркулов. – Капитан Чеглаков.

– Да! Этот капитан Чеглаков докладывал, что он отдал приказ о поджоге здания и проверил потом его состояние после пожара?

Меркулов поморщился:

– У нас нет даже уверенности в том, что звонок этот был от Чеглакова, не говоря уже о том, что...

Берия кивнул и не сказал ни слова. И по его молчанию Меркулов понял, что мысли текли к необходимости докладывать все Сталину, поёжился – хорошего мало – и постарался помочь.

– Вот, – положил Меркулов на стол очередной листок, – перечень поручений, отданных к исполнению в четырех управлениях, которые находятся в тех районах. Поручения были одни и те же, поэтому есть все основания предполагать, что все руководители так или иначе координировали свои шаги, особенно после начала боевых действий.

Берия взял в руки листок пробежал по нему взглядом, спросил:

– Ну, а каковы могут быть объемы материалов по всем перечисленным позициям?

– Поскольку нет никакой информации о степени исполнения поручений, невозможно дать даже самый приблизительный ответ, – признался Меркулов.

– Да, зачем он, этот ваш «приблизительный ответ»? – в голосе Берии прорвалось недовольство.

Меркулов не ответил, и Берия тоже молчал, упервшись взглядом в лист бумаги. Потом поднялся, сделал несколько шагов от стола, а вернувшись, сказал уже иным тоном, решительным:

– Указания отдавались по вашей линии?

– Нет! – невольно поднялся Меркулов. – Тут такая закавыка получается, что отдавались они еще по линии НКВД, но после февральского разделения исполнение их в основном было возложено на НКГБ.

Берия недовольно мотнул головой.

Полгода назад, 3 февраля 1941 года, из народного комиссариата внутренних дел был выделен народный комиссариат государственной безопасности, которому и передали часть задач, прежде лежавших на НКВД. Оспаривать мудрость государственного решения, конечно, никому не приходило в голову, но на работу обоих ведомств это повлияло, и, как сейчас видел Берия, не всегда в лучшую сторону.

Докладывать об этом товарищу Сталину необходимо, понимал Берия, но сделать это надо так, чтобы последствия были хотя бы предсказуемыми, без ненужных оргвыводов, без снятий с постов. Идет война, и любое перемещение, особенно в этой сфере, создаст много проблем, и проблем долгосрочных. А дело надо делать, вопросы надо решать.

Но идти к вождю с таким обоснованием глупо. Просто глупо. Он это и слушать не станет. Значит, надо искать какое-то решение, которое покажет, что ошибки и недочеты стали следствием не довоенной неразберихи, а вызваны исключительно вероломным фашистским нападением.

Сзади кашлянул Меркулов:

– Товарищ Берия! Есть смысл ориентировать возникающие в тылу у немцев партизанские отряды на поиск информации об отправленных грузовиках. Это на самое первое время. Параллельно начать формирование спецгрупп, которые будут позднее заброшены в районы вероятного пребывания этих же грузовиков. Конечно, гарантий мало, но надежда остается.

– Надежда остается, – повторил Берия. – Надежда остается. Ну, хорошо. Сколько машин было загружено? Какие материалы и в каком объеме там находились? Кто персонально сопровождал транспорт? Каково было хотя бы самое общее направление движения? В конце концов,

Всеволод Николаевич, мы должны иметь хотя бы самое общее представление о том, куда будем отправлять людей и для поисков чего именно.

Берия следил, как меняется лицо Меркулова, и понимал, что тот все переносит на разговор со Сталиным, и сам пытался представить реакцию вождя, когда ему будет доложено обо всем.

– Полагаю, Лаврентий Павлович, – заговорил Меркулов, – что товарищ Сталин уже знает по докладам военных, что там творится!

Берия молчал. Он прекрасно помнил первые часы и дни после того, как стало известно о гитлеровском вторжении. Сталин, Молотов, Берия, все они сидели, лишенные какой-либо информации. Ни находившийся в кабинете Сталина нарком обороны Тимошенко, ни генерал Жуков, недавно назначенный начальником Генштаба, ничего определенного сказать не могли, а их непрерывные и совершенно бесполезные звонки «по делам службы» только усиливали напряжение.

Первые часы и даже дни после нападения фашистской Германии показали полное отсутствие какой-либо координации и согласованности действий воинских соединений и подразделений. Между ними в эти дни то и дело рвалась обыкновенная телефонная связь, а использование нарочных в условиях, когда все перемешались и перемещались совершенно беспорядочно, а порой и бесцельно, было бессмысленным, поскольку нарочные порой просто не имели возможности отыскать адресата. Как следствие – штабы армий не знали, где находятся их дивизии и полки, не знали, как далеко продвинулись немцы и где именно.

Ну, значит, и сообщение о том, что потерялось несколько грузовиков, будет воспринято в общем потоке сообщений о неразберихе и – будем откровенны – панике.

Это уже кое-что серьезное, не просто рассуждения, а предложение к действиям.

– Это верно, – поощрил Берия Меркулова после минутных размышлений. – Давайте сделаем так: все-таки формально все шло по вашему наркомату, поэтому докладываете вы, а я вас поддержу.

Увидев тень сомнения, промелькнувшего на лице Меркулова, сказал жестче:

– Сказав «А», будет проще произносить остальные буквы, а задержку доклада сегодня еще можно объяснить тактическими соображениями, а завтра – нет.

Взял коротенькую паузу и добил:

– Вы должны понимать, как важно будет, кто и как об этом сообщит. Если Тимошенко хоть что-то узнает, он постарается свалить на вас все свои промахи и ошибки. А разбираться будет трудно. И, если придется разбираться – пойми меня правильно, Всеволод Николаевич, – мне придется быть к тебе слегка необъективным. И ты понимаешь причины.

Меркулов кивнул.

Как люди, уже давно работавшие вместе, они, конечно, хорошо знали сильные и слабые стороны друг друга, знали о большинстве промахов и ошибок, которые неизбежны в любой работе, и, следовательно, находили этим ошибкам и объяснения, и оправдания. Ну, а в такой обстановке ни о каком «понимании» речи быть не могло. Обоим было бы несладко.

– Я запишусь на прием к товарищу Сталину сразу, как вернусь к себе, – сказал Меркулов.

– Конечно, – кивнул Берия.

Позвони Меркулов сейчас из его кабинета, найдутся люди, которые подскажут товарищу Сталину, что звонок был после встречи с Берией. А если еще прибавить пару мелких деталей, то ход мыслей вождя можно направить в нужном направлении.

Нужном кому?

Тем, кто не прекращает интриговать даже в самые тяжелые часы.

Явившись к назначенному часу, Меркулов не удивился, увидев в кабинете Сталина Берию.

– Вы не возражаете, товарищ Меркулов, если Лаврентий Павлович будет участвовать в нашей беседе? – спросил Сталин и замер в позе ожидания, будто и не предполагал, какой ответ услышит, а потом удовлетворенно кивнул головой. – Пожалуйста, докладывайте. Какая у нас обстановка?

Меркулов докладывал обстоятельно, четко определив приоритеты и расставив акценты. Берия отметил про себя, что Меркулов ни разу не помянул панику и дезорганизацию, которые охватили в это время военных, хотя об этом они совсем недавно говорили, но потом увидел, как успешна стратегия наркома госбезопасности. Он выстроил доклад таким образом, что промахи, совершенные его сотрудниками, связаны и с неточностями распоряжений, шедших из наркомата, и с растерянностью, охватившей местные органы госбезопасности в условиях войны, а, точнее, вероломной агрессии.

Сталин, конечно, сразу же поправил Меркулова, сказав, что не знал о том, что в органах государственной безопасности работают такие маши-растеряши, но потом добавил, что еще больше его удивляет растерянность военных, которые имеют достаточно большой опыт ведения боевых действий в самых разных условиях – от монгольских степей до финских снегов.

Меркулов промолчал.

На вопрос Сталина, «какие меры предусматриваете», отвечать начал, одновременно выбирая из папки очередной листок:

– Первое, товарищ Сталин, это подготовка специальных групп, которые будут ориентированы исключительно на работу по обследованию лесных массивов на предполагаемых путях движения грузовиков. Второе – мы уже подготовили несколько агентов для заброски в тыл немцев, чтобы там начать розыск лиц, имевших отношение к формированию грузов. Группы в принципе готовы, а одна уже отправлена для выполнения заданий. Третье...

– Вы уверены, что сейчас эти люди смогут выполнять столь важную и точную работу? – перебил Сталин. – Немцы сейчас наверняка уделяют особое внимание полицейским мероприятиям, формированию отрядов изменников и предателей, которые готовы мстить советской власти, хватая и уничтожая не только честных людей, которых они знают лично, но и незнакомцев, которые особенно бросаются в глаза.

– Мы учитываем это, товарищ Сталин, – кивнул Меркулов. – По имеющейся информации, немцы пока еще не смогли взять обстановку под контроль и прекратить массовые перемещения населения, вызванные войной. Кроме того, люди, которых мы отправляем туда, подготовлены к такого рода возможностям и, в конце концов, товарищ Сталин...

Меркулов развел руками.

– Идет война, товарищ Сталин, и у меня нет никаких возможностей избежать жертв.

Сталин кивнул и повернулся к Берии:

– Сейчас езжайте и еще раз проверьте все наши возможности в этом смысле и продумайте, все ли учтено и подключено к делу.

Берия поднялся:

– Видимо, мы еще более тщательно продумаем, как тут можно использовать формирующиеся отряды населения оккупированных территорий.

Сталин повернулся к Меркулову:

– Ваше мнение, товарищ Меркулов?

Меркулов ответил после крохотной паузы:

– Боюсь, что эти отряды сейчас вряд ли могут принести пользу, поскольку мы всячески маскировали наши мероприятия. С другой же стороны, привлечение гражданского населения может породить слухи, которые активизируют деятельность контрразведывательных подразделений немцев.

– Фашистов! – автоматически уточнил Сталин.

Потом усмехнулся:

– Теперь можно спокойно возражать недавнему начальнику?

Меркулов до февраля сорок первого года был первым заместителем Берии в НКВД и начальником главного управления госбезопасности в составе комиссариата. Именно это вождь и имел в виду, товарищески пошутив.

А Берия, когда уже вышли из кабинета, сказал:

– Надо посмотреть, как задействованы местные возможности.

– Партизаны?

– Партизаны, партизаны...

1941 год, август, Белоруссия

Петя Миронов никогда не хотел быть начальником, потому что не любил ни командовать, ни наказывать. В сельской школе близ города Острына, что в Белоруссии, он преподавал математику и физику, и каждый раз, когда школьники отвечали неправильно, Петр Кириллович ругал в первую очередь не их, а себя. Если ученик не знает, значит, он, учитель, рассказывал плохо, неинтересно, упустил что-то! Оставлял ребят после уроков и рассказывал заново, добиваясь понимания, и радовался каждому успеху порой сильнее, чем сам школьник.

Скажи ему кто-то еще весной, как круто изменится его судьба, Миронов только рассмеялся бы: так не бывает. Может, и не бывает, а стало!

Только по прошествии нескольких недель, примерно в начале августа сорок первого года, учитель физики Петр Кириллович Миронов стал понимать, что война началась для него как-то незаметно, почти буднично.

То есть, конечно, ужас он пережил, как все в их селе.

И ужас пережил, и понял, что сейчас Красная армия их не спасет, не вылетят из-за пригорка кавалеристы, не застрочат пулеметы, не налетят истребители с красными звездами на крыльях, и не отступят фашистские орды. И не выдержали нервы у молодого учителя, когда кто-то крикнул, что надо бежать в лес, чтобы фашисты всех не постреляли сразу.

И бежал, как все, держа за руку Ванду Шилей, к которой уже в начале осени собирался слать сватов. Держал ее за руку, понимая, что только так может он сейчас ее защитить, только убегая, только пряча, только надеясь, что не найдут.

С собой несли только самое необходимое: какую-никакую одежонку да что-нибудь поесть. Кое-кто, правда, вел под уздцы лошадей, тащивших телеги, на которые успели накидать то, что попало под руку из домашнего скарба, да съесть кое-какую. Все, что не вошло на телеги, отнесли за окраину, в рощицу, где обычно крутили первую любовь все деревенские парни и девушки, и попрытали, как смогли.

Унести не могли, а оставлять немцам не хотели.

По всему селу собирали оружие, какое только было, понимая, что немцы могут показаться в любой момент, а защитить себя они теперь могут только сами.

Немцев, правда, они видели издали, когда колонна грузовиков на большой скорости продвигалась на восток, и было до тех немцев метров триста, так что те их, вполне возможно, просто не заметили. Да что тут гадать: уходить надо, решил Миронов, и предложил резко повернуть на север, в сторону Литвы.

Он и сам не ожидал, что это предложение приведет к такому скандалу!

Казалось, в людях прорвалась какая-то даже не вторая, а третья, четвертая их сущность, в самых глубинах человеческих сокрытая! Сначала по одному, а потом все вместе, перебивая друг друга, стали спрашивать, когда будет привал. Кричали, ругались сквозь слезы, поминая или надумывая обиды многолетней давности, требовали, чтобы им дали воды и пищи. А у кого-то просто ноги уже стерлись от долгой ходьбы, да мало ли что...

Потом утихли, один за другим ослабевая от всего, что случилось, уселись, где придется, и замерли, будто ожидая конца жизни.

Миронов старался не смотреть по сторонам, опасаясь вызвать новый взрыв упреков по любому поводу, когда к нему подошел дед Рыгор, местный философ и «полный политический нигилист», как называл его секретарь районной парторганизации товарищ Голубев Матвей Матвеевич.

Откашлявшись, дед Рыгор сказал громко, чтобы все вокруг слышали:

– Ты, товарищ учитель, правильно кумекаешь: поворот делать надо, дорогу менять, чтобы не поймали нас, как зайцев. И вот что я спросить у тебя хочу: может, нам, действительно, как ты говоришь, к литовцам идти, если ты там хорошее место знаешь?

– Какое место? – удивился Миронов.

– Дак ить, нас тут не двое – пара с тобой, а человек сто, не меньше. Значит, всем надо есть-пить-спать, а это много места требует, понимаешь?

– Понимаю, – начал соображать Миронов. – Понимаю, но места такого я не знаю.

– Вот, и я к тому, – начал набирать силу дед Рыгор. – К литовцам оно, может, и хорошо, однако, особого мира у нас с ними не было, а сейчас время такое... тревожное... Лучше не рисковать. Тем более что среди нас и бабы, и дети – народ слабый, нежный. Потому предлагаю я идти туда.

Дед протянул руку почти туда, где совсем недавно проехали грузовики с немецкими солдатами.

– К фашистам, что ли? – удивленно влез в разговор кто-то из женщин. – Да, ты, дед...

Дед, однако, слушать ее не стал, только выставил ладошку, дескать, помолчи, и сокрушенно мотнул головой:

– Вот, говорил же: бабы – народ избалованный. Ты молчи и слушай, пока умные люди...

– Это ты-то «умный людь»? – продолжила было женщина.

Но теперь ее перебил уже Миронов:

– Погодите! В самом деле, нам не спорить надо, а делать что-то, – пояснил он и повернулся к деду. – У вас, Рыгор – простите, не знаю, как по батюшке, – есть такое место?

– Да, я уж привык без «батюшки», – усмехнулся дед Рыгор. – А место такое есть, чего же... Идти, правда, далеко, но зато там такие леса, что целую армию можно сховать, а не только нашу компанию.

И, повертев головой по сторонам, высказал то, что было, наверное, на душе у каждого:

– Нам бы сейчас немцу на глаза не попасть, а там уж разберемся.

До леса, о котором говорил дед, дошли только к утру третьего дня. Шли всю ночь, днем двигались короткими бросками, осматриваясь по сторонам. На привалах сбивались маленькими группками человека по два-три, семьями. Да, и понятно: делиться куском хлеба никто не спешил. Самим бы, худо-бедно, перекусить.

По дороге постоянно встречали таких же людей, убегающих от беды и не понимающих, куда бегут. Попадались группы человек по двадцать-тридцать, попадались и одиночки.

Тогда же, по пути в «огромный лес», обещанный Рыгором, встретили и врагов. Кто они были – шпионы, диверсанты или просто должны были создавать панику, – так и не узнали. Некогда было раздумывать.

Встретили их на обочине дороги, обходящей огромное поле неубранной пшеницы. Трое – мужчина, женщина и девочка лет четырех с небольшим. На ходу, не останавливаясь, поглотили их своей непрерывно двигающейся массой, увлекли за собой, по дороге стараясь хоть немного подкормить, да и вообще помочь чем возможно.

Историю выслушали обычную для тех времен: москвичи, отправились в гости к другу, который учительствовал где-то возле Бреста. Должны были приехать в воскресенье ближе к вечеру, да повезло: о начале войны узнали километрах в шестидесяти. Там и застряли – ни туда, ни обратно. Были под бомбежкой, мужчина пострадал, хотя вроде и не ранен. «Конфузия называется», – подсказал все тот же Рыгор. «Контузия», хотел поправить Миронов, но промолчал – показалось неуместным.

Говорила женщина, мужчина иногда вставлял фразы, чаще – только слова, и смотрел по сторонам с затаенной просьбой: не обращайтесь внимания, это все нервы. И люди, изможденные неизвестностью и ожиданием, понимали, слушали, кивая головами. Впечатление усиливало ее

московское «аканье», происхождение которого в белорусской провинции почему-то вызывало сочувствие и доверие.

Миронов стоял неподалеку, стараясь не оказаться в центре внимания в такой неподходящий момент, слушал и думал, как много людей сейчас, летом, оказалось совсем, как эта семья, вдалеке от родного дома и неизвестно надолго ли.

Остановились ненадолго, разбежались в разные стороны – бабы налево, мужики направо.

Миронов стоял и как-то рассеянно думал о будущем. Думал и никак не мог себе его представить. Наверное, потому что не знал, куда же они идут и придут ли туда?

– Что-то тут не так, – раздалось вдруг тихо почти над самым его ухом.

Он повернул голову: рядом стоял Герасим Зарембо, сельский конюх, который говорил мало и редко.

– Что «не так»? – спросил Миронов.

Однако Зарембо уже входил в центр событий, стараясь никому не мешать, присел рядом с девочкой, протянул ей кусочек сахара.

Видимо, у конюха всегда сахар с собой, мысленно усмехнулся Миронов.

А Зарембо положил ладонь на голову девочке, неожиданно нежно погладил ее, посадил себе на колено и тем же тихим голосом спросил:

– А это кто?

– Це мамо, а це тату, – на самом обыкновенном местном говоре ответила девочка, которая, если верить «родителям», всю свою жизнь провела в центре Москвы.

Потом только выяснилось, что ей обещали конфету и куклу с закрывающимися глазами, если она пойдет с добрыми «дядей и тетей».

Тех даже и допрашивать не стали. Еле-еле утихомирили разбушевавшихся агентов, которые кричали, что во всем надо разобраться, требовали доставить их в Минск. Отряд неожиданно и молниеносно разделился на три части. Одни требовали «не спешить и разобраться во всем», другие требовали «немедля арестовать», а третьи, которых было больше других, стояли, молча, поводя глазами то в одну, то в другую сторону.

Спор прекратил Герасим Зарембо. Он и двое пареньков подошли к продолжавшим бушевать мужчине и женщине, взяли их под руки. Молча. Мужчина упал, забился на земле, колотя ногами во все стороны. Женщина молчала. Потом, когда мужчину подняли с земли и понесли в лесок, пошла за ним. Сперва шагала медленно, потом ускорила шаг, обогнала всех.

Через несколько минут раздались выстрелы.

Было и страшно, и противно. Долго все шли молча, стараясь не глядеть друг на друга.

Ближе к ночи вошли в большой лес.

Миронов такого не видал никогда. Деревьев обычных, которых было много в каждом лесу, тут почти и не было. Все больше какие-то прежде невиданные, грузные, вроде искореженные, оседающие под тяжестью веток и листвы.

Только сейчас Миронов осознал, что животные встречаются тут чаще, чем в лесах, где ему приходилось бывать прежде, и ведут они себя спокойно, не убегая, увидев людей. Странные животные, странный лес, подумал Миронов, и, увидев приближающегося деда Рыгора, спросил:

– Это куда ты нас привел, в какое царство?

Тот довольно ухмыльнулся:

– Нравится? Тута прежде, понимаешь, все императоры да цари охотились. Место заповедное. В прежние-то времена даже одному-единственному сюда войти вряд получилось бы, а сегодня, вишь ты, таким табором вошли, и все ничего. Война, – развел он руками. – А место это называется Беловежская Пуша. Место тихое.

Разговаривая с Мироновым, дед присел, и Миронов расположился рядом. Дед Рыгор сновисто скрутил «козью ножку», закурил, продолжил:

– Я так кумекаю, что след наш вряд ли кто заметит. Уж больно много тут и машин прошло, и танков, да и людей много прошло, так что следом больше, следом меньше – никто и не подумает нас искать.

– Это ты говоришь, чтобы я меньше боялся? – невесело усмехнулся Миронов.

– Бойтся, парень, любой человек, если он нормальный и на голову не больной, – спокойно пояснил дед. – Тут о другом дело. Тут проще схорониться так, чтобы никто не нашел, отсидеться, пока там все...

И замолчал.

– Пока не кончится? – спросил Миронов.

– Ну... да...

Отвечал дед Рыгор неохотно, и видно было, что он тоже не очень понимает, что будет дальше.

Да, он этого и не скрывал:

– Ты видел, сколько германцев тут, сколько машин у них, сколько пушек, сколько танков? Ты у нас столько видел хоть раз?

Миронов хотел возразить, сказать, что ни он, ни дед Рыгор на парадах не бывали, и не могут знать, сколько танков у советской власти, но понял, что такой ответ никому не нужен, даже ему самому. Потому что главный вопрос, если не врать себе, звучит так: сможет ли Красная армия остановить немцев и начать свое наступление?

И знал Петр Миронов, что ответа этого пока не знает никто, включая и товарища Сталина в Кремле, в самом сердце Родины.

Помолчали, потом дед Рыгор, докурив, поднялся и сказал:

– Вы тут располагайтесь, а я прогуляюсь трохи. Дружок у меня тут живет. Давно не виделись, – и, пройдя шагов двадцать, исчез в кустарнике, двинувшись в лес.

Вернулся дед, когда уже рассветало. Привел корову и лошадь, тащившую телегу, нагруженную мешками с мукой и картошкой, и передал совет «дружка» – сидеть тихо:

– Немцев вроде нет, а днем лучше никуда не выглядывать.

Позднее дед собрал несколько человек, отбирая по признакам, ведомым ему одному. Из мешка, висевшего за спиной, он вытащил четверть, заполненную мутноватой жидкостью, внешний вид которой отозвался и тоской, и радостью в душе большинства мужиков, и большой шмат сала.

Радостью – потому что вот она, родная, а тоской – неведомо, когда сами ее выгоним из свеклы или, дай бог, из пшена. Правда, никто и слова не промолвил.

Кто-то быстренько организовал кружки, кто-то мигом напластал сало, лук и хлеб – выпили.

Дед Рыгор сразу же взялся за бутыль:

– Чтобы между первой и второй пуля не пролетела!

Однако после «второй» бутыль плотно заткнул туго свернутой бумажкой и отставил в сторону:

– Докладываю!

И бодро, правда, то и дело отвлекаясь на подробности, начал обрисовывать обстановку. Обстановка была – хуже некуда. Немцы, казалось, ушли далеко вперед, однако выяснилось, что это были передовые отряды, преследующие Красную армию и добивающие ее.

Вчера после обеда прибыл отряд во главе с лейтенантом, человек сорок. Расположились в селе. До хутора, где жил приятель Рыгора, они не дошли, но, судя по всему, скоро доберутся.

– Ну, пришли, и что? – задал вопрос кто-то из слушателей.

– Ну, как «что»? – дед Рыгор вздохнул. – Трех мальцов еврейчиков застрелили.

– Как «застрелили»? – автоматически удивился вопрошавший.

– А так – пулями. Баба моего товарища, как увидела это, домой побежала. Считай, не меньше версты пробежала, – сдавленным голосом выговорил Рыгор и замолчал.

По его разумению, само то, что баба пробежала версту, уже говорило о том ужасе, который охватил людей.

Потом таким же голосом продолжил:

– Говорят, еще много стреляли.

«Отчет» свой он закончил позже, но решение уже было ясно всем: выходить из лесу нельзя. Надо каждый миг быть готовым защищать свои жизни.

Так, в июне тысяча девятьсот сорок первого года возник партизанский отряд. Тогда, правда, они и названия такого не слыхали, и делать ничего не умели. Это уж потом жизнь научила.

Да и не жизнь – война...

Учились быстро, без шпаргалок, до всего доходили своим умом. Тут ведь были и браконьеры, и контрабандисты, и другие люди, не только землю пахавшие.

Учились быстро, потому что хороших вестей было мало, а в отряде, раз уж складывался он из жителей села, были и русские, и поляки, и белорусы, и евреи. Из тех, кому идти-то некуда. Главное – евреи, конечно. Все понимали, что их-то сразу стрелять будут, не раздумывая. Вот беда людям...

Первую операцию провели, узнав, что в селе неподалеку свирепствует староста – бывший баянист, желанный гость на всех днях рождения, свадьбах и других праздниках. Назначенный немцами, он сразу же стал выполнять указания ретиво и споро. Набрал полицаев, составил список родственников тех, кто был призван в Красную армию, тех, кто учился в крупных городах, тех, кто был замечен по школьным делам или помощи колхозу.

Все задания по сбору продуктов староста и его подручные выполняли так, что и самим еще оставалось, поэтому жили, не бедствуя. Да, и черт бы с ним, но проснулось в старосте сладострастие, стал он охотиться на девчонок лет пятнадцати. Откровенно звал в гости, грозил донести немцам, а на вопрос «о чем донесешь» ухмылялся:

– Посля узнаешь.

Все вроде просто грозил, но, когда первую девчонку изнасиловал, Миронов принял решение наказать гада. От казни отказался, пояснив:

– Мы через него, через наказание попробуем урезонить других, кто с немцами сотрудничает. Уберем одного – поставят другого, а селян могут и наказать. Так что выигрыш у нас будет куций, ущербный. А накажем – дадим всем понять, что немцы тут невечно, а народ все помнит.

Старосту выкрали ночью, утащили за село на опушку леса. Все делали молча, и это действовало пуще всяких слов. Украденный, в рот которому запихали его же собственную портянку, мычал, извивался, старался вырваться.

Когда его оттащили далеко, когда стало понятно, что случайные люди его не услышат, Миронов велел:

– Раздевайте гада.

Раздетый догола староста был заново перевязан веревками. В темноте он и не знал, что сразу за ним находится муравейник.

Перевязывали его дед Рыгор и Герасим Зарембо, перевязывали умело и мудро, так, что, когда старосту усадили задом в муравейник, а между колен воткнули косу, он мог только водить руками вверх-вниз, перерезая веревки.

Миронов наклонился к старосте, говорил тихо, почти на ухо:

– Ты, давай спешить: светать начнет, увидят тебя люди голого да с искусанным задом – уважать перестанут. Нам еще далеко идти, но имей в виду – если что, снова придем, но тогда уже косу тебе не между ног засунем, а в самый зад. А с косой в заднице долго не живут, я думаю.

А сам на всем пути возвращения в отряд удивлялся: ему ни на миг не было жалко старосту, посаженного в муравейник.

Петр Миронов стал командиром отряда будто случайно, а, с другой стороны, иначе и быть не могло: так хорошо умел он все увидеть, оценить и предвидеть. И обозы отбивали, и молодежь, согнанную для отправки в Германию, освобождали, и даже две колонны пленных отбили.

Правда, Миронов да и все остальные понимали, что живут и действуют они вслепую, как котят. И, как только немец главные дела сделает, так и на них навалится. И надо бы хоть какую помощь получить. Рацию бы, лекарства, бинты, а еще важнее оружие и взрывчатку, да как связаться, как сообщить, что сражаются тут с немцами простые люди!

Тревожное состояние длилось довольно долго, до тех пор пока в конце августа Евгений Щербича, стоявший в дозоре, позвал его «трохи прогуляться».

Миронов возмутился: как посмел пост оставить, но Евгений ухватил его за рукав и волок дальше.

Только отведя шагов на пятнадцать, сказал негромко:

– Так, Андрей там это... охраняет...

– Почему один? – спросил Миронов, и Щербич удивленно ответил:

– Так, не в отряд же их вести? Мало ли? Если, к слову сказать, шпионы, так, мы их тут прямо и того...

Все выяснилось, когда подошли к посту. Там в самом деле под прицелом дробовика, с которым стоял на посту напарник Щербича, сидели и мирно переговаривались трое. Один из них все тот же товарищ Голубев Матвей Матвеевич, двух других видел на разных совещаниях.

Голубев представился: представитель руководства партизанского движения, товарищи со мной. Для координации. Задачи стоят большие, разрозненными силами не решить, надо объединяться.

– О тебе мы, товарищ Миронов, слышали, – перешел Голубев к важному. – В Беловежской-то Пуще, кроме твоего отряда, и нет никого более, так что, сам понимаешь. Хотя, честно тебе скажу, до сего момента сомневался. По фамилии-то, конечно, ты один, а по сути, думаю, не может такого быть! Ты же учитель, а не офицер, в армии-то не служил, поди?

Миронову почему-то такая откровенность не понравилась, не содействовала она, не соответствовала обстановке.

Раньше промолчал бы, а теперь перебил:

– Точно, учитель. Так что, ты, товарищ Голубев, мне оценки не ставь, не нужно. Ты нам медикаменты дай, оружие, а главное – рацию.

Голубев удивленно смотрел на Миронова, спросил недоверчиво:

– Ты чего тут командуешь, Миронов?

Но Миронов и ухом не повел:

– Я тут командую потому, что меня народ поставил и слушает, а тебя мы давно не видели и знать не знаем, кто ты такой.

И говорил Миронов спокойно, без крика, будто рассуждая вслух, как делал это на уроке, помогая ученику решить трудную задачку.

Голубев не унимался:

– Ты тут из себя начальника не строй! Тоже мне – кочка на ровном месте! Тебе приказ дан, и ты его выполняй, ясно?

Миронову спор надоел:

– Ты, Голубев, зачем пришел? Мы с немцем боремся. Боремся, как умеем. А ты чего хочешь? Чтобы мы это прекратили? Это так ты товарища Сталина понял, а?

Голубев вскочил, кровь стремительно отлила от его лица, вмиг изменившегося до нездоровой желтизны.

Миронов как ни в чем не бывало продолжил:

– Нам тут листовка попалась с его речью, так что мы трохи грамотные и линию партии понимаем в меру своего разумения.

Голубев все так же, молча, повернулся к тем, кто пришел вместе с ним, до этой поры не проронившим ни слова. Наверное, ожидал поддержки, но не получил ее, хотя после короткой паузы один из сопровождавших все-таки поинтересовался:

– Значит, тебя, товарищ Миронов, приказ Москвы не касается, и выполнять его ты не намерен?

И говорил, будто не задает вопрос, а просто отмечает факт.

Миронов неспешно закончил свертывать сигарку, закурил, пыхнул пару раз, потом заговорил:

– Ты, товарищ незнаюкак, никакого приказа мне не передавал, а тебя мне и слушать не хочется. Какой ты мне начальник, сам посуди. А слова товарища Сталина всем нам хорошо известны, и вот за их выполнение я хоть перед кем отчитаюсь со своими товарищами.

Затянулся еще раз, нарочито, картинно выпустил дым и уточнил:

– Отчитаюсь перед кем надо, когда время придет.

Голубев вскочил, снова хотел закричать, но тут будто из-за кулис появился дед Рыгор, будничным тоном спросивший:

– А вы, товарищи, идите-ка перекусить с дороги.

Увидев его, Голубев будто обессилел: уж, если Рыгор тут командует, значит...

Впрочем, обедали гости с удовольствием, вставая из-за стола, поблагодарили за хлеб-соль, но на прощание Голубев сказал уже спокойным тоном, даже, пожалуй, веселым:

– Ты, Миронов, политически безграмотен все-таки. Хотя, с другой стороны, что с тебя взять... учитель... выше головы-то не прыгнешь...

И улыбнулся многообещающе.

1941 год, сентябрь, Белоруссия

Майор Оверат стоял возле высокого окна, выходящего в парк. Жухлая листва деревьев и серое небо, казалось, опускающееся все ниже, не улучшали настроения, однако сейчас майору они были безразличны. Он курил, стряхивая пепел в массивную пепельницу, стоящую на подоконнике, и со стороны могло показаться, что курение в данный момент – единственное занятие, достойное внимания майора, однако Оверат почти не обращал внимания на сигарету, уже давно выкулив свою норму – две трети крепчайшего «Каро».

Погасив сигарету, он вернулся к столу и вновь взял в руки лист бумаги, лежавший в самом центре, и начал читать.

Он делал это уже в третий раз, и вопросов возникало все больше, а ответов не было. Тем важнее было прочесть письмо заново.

«Господин майор! Выполняя возложенные на меня обязанности, я на протяжении двух месяцев изучаю обстановку в указанном Вами регионе и теперь хотел бы сообщить Вам о некоторых выводах, к которым пришел».

«Выводы, к которым я пришел»!!! Какая наглость! Этот мальчишка позволяет себе чересчур много! Оверат бросил письмо на стол и откинулся на спинку кресла, будто отдаляясь от стола, на который письмо снова легло.

Автор письма – лейтенант Людвиг Зайенгер – по возрасту недалеко ушел от тех самых отчаянных молодых лейтенантов, которые весело шли на передовую, но по своему положению...

Именно это заставляло Оверата задумываться над каждым словом письма, полученного сегодня утром.

В личном деле Зайенгера, которое Оверат просмотрел уже несколько раз, было не так уж много интересного, однако некоторая информация, которую майору сообщили его друзья в Берлине, заставляла его искать даже в привычных сухих фразах скрытый смысл, который предупреждал бы об опасностях.

А в том, что Зайенгер несет в себе опасность, Оверат не сомневался.

Ходили упорные слухи, будто капитан первого ранга Вильгельм Канарис, который возглавил в январе 1935 года абвер – военную разведку и контрразведку Германии, – в числе первых людей, составивших его рабочее окружение, пригласил капитана первого ранга Юлиуса Зайенгера – отца этого самого нахального лейтенанта.

Канарис, встав во главе абвера, поначалу стал исправлять положение, созданное его предшественником капитаном 2-го ранга Конрадом Патцигом.

По его мнению, гестапо и службы безопасности в целом составляли «мясники» и «торговцы», которые были основой гитлеровской партии. В беседах со своими сотрудниками он довольно часто отпускал иронические замечания в адрес фюрера, часто поминая его воинское звание ефрейтора. Как офицер флота, Патциг считал себя обязанным вступать в конфликт с нацистами по любому поводу, уверяя, что «политики» никогда не смогут понять офицеров – людей части, а тем более возродить военную мощь Германии. И, что было естественно, вскоре обнаружил негласную, но значительную поддержку и от флота, и от армии.

Армия и флот, и весь офицерский корпус в целом считали себя неотъемлемой частью германской армии, униженной условиями Версальского договора, а потому тоже не испытывали особенной любви к крепким парням в коричневой форме. Конфликты возникали постоянно и со временем стали стилем Патцига, однако вскоре выяснилось, что эти парни не только крепки, но и сплоченны.

Гитлер не стал разбираться в происходящем, поскольку уже давно определил свои симпатии и просто сменил руководителя военной разведки.

Главное управление имперской безопасности возглавил Рейнхард Гейдрих, которого сам Гитлер называл образцом арийца, а это награда повыше многих иных! Во главу абвера же был назначен капитан цур зее Вильгельм Канарис. Никто не мог сказать определенно, был ли в этом некий хитроумный план, но многие сразу отметили, что Гейдрих когда-то начинал службу на крейсере «Берлин», где старшим офицером был именно Канарис.

Два морских офицера предпочли, видимо, создать впечатление достигнутого мира и сотрудничества, и вскоре появился документ, разграничивший полномочия абвера и гестапо – тайной государственной полиции.

Однако в реальности Гейдрих не собирался делиться мощью секретной службы Третьего рейха, и борьба продолжалась.

В конце 1936 года в помещениях, где располагался абвер, были обнаружены подслушивающие приборы, которые, по заключению специалистов, были установлены людьми рейхс-фюрера СС Гимmlера. Канарис, взяв под мышку папку с бумагами, подтверждающими это, позвонил Гейдриху и сообщил, что готовится идти к фюреру, который прямо скажет, нужен ли ему абвер и в чем он, абвер, виноват, если с ним так обращаются.

Гейдрих понял угрозу Канариса и пообещал наказать виновных, не вынося конфликт на суд общественности и государственного руководства. Понял и Канарис угрозу Гейдриха, и капитан первого ранга Юлиус Зайенгер, тот самый человек, который сумел раскрыть заговор и добраться до его подробностей, был отправлен в Америку с особым заданием. Вместе с ним, естественно, отбыла и его семья, включая и сына.

Вскоре о таком решении стало известно Гитлеру, и он, не желая ссориться с военными, пригласил и Гейдриха, и Канариса, заставил их признаться друг другу в искреннем желании сотрудничать на благо рейха и забыть все обиды.

Гейдрих пообещал, и Зайенгер-младший приехал в Германию. Впрочем, приехал ненадолго и лишь для того, чтобы встретиться с Канарисом, после чего отбыл в Америку. Вернувшись в начале 1941 года, он некоторое время провел в центральном аппарате абвера, а уже в марте оказался под командованием майора Оверата.

Понятно, думал Оверат, что у мальчишки высокие покровители, и быть спокойным, когда этот «малыш» крутится рядом, становилось невозможным, как невозможно было предугадать направление опасности.

Как сейчас, например. Ведь все, изложенное в письме, вполне можно было сообщить в личной беседе, а лейтенант настроил целое письмо. Оверат находил этому только одно серьезное объяснение: Зайенгер хотел, чтобы об этом письме узнало как можно больше людей.

Теперь, когда он этого добился, письмо могло быть истолковано по-разному, и Оверат снова уставился в текст.

«Присутствуя на допросах русских командиров и комиссаров, я заметил, что, несмотря на плен они в большинстве своем категорически отказываются от вербовки, оставаясь уверенными в конечной победе большевиков. То сравнительно небольшое количество пленных, которые согласились стать агентами абвера, отличаются довольно невысокими моральными и боевыми качествами».

Оверат положил письмо на стол и откинулся в кресле.

И все-таки, этот Зайенгер, кто он? Провокатор или карьерист? В любом случае это хитрый сукин сын, втягивающий его, майора Оверата, в свою интригу, а в том, что интрига есть, Оверат не сомневался.

Мальчишке легко рассуждать, подумал Оверат, его в любом случае вытащит отец, придумав какую-нибудь отговорку о юношеском понимании патриотического долга, которое оказалось сильнее слов приказа. В конце концов, лейтенант Зайенгер ведь никакого приказа не нарушает, а если и было нарушение, то его санкционировал майор Оверат, непосредственный начальник юноши.

Оверат усмехнулся, живо представив картинку умиленной беседы в кабинете Канариса, и потянулся было к сигарете, но остановил себя и отошел за шкаф, где на небольшом столике было все для приготовления кофе.

Эта процедура всегда успокаивала Оверата, мысленно возвращая его в детство, домой, где мама утром готовила кофе для всей семьи, а маленький Арнольд, взобравшись на стул, вертел ручку кофейной мельницы, укрепленной на стенке кухни. Мельницу эту, как говорила мама, установил на этом месте еще его дедушка, бравый полковник фон Вишневы, служивший под началом великого Мольте, и каждый раз, прикасаясь к ручке мельницы своей ладошкой, мальчик соприкасался с величием германской армии!

Сейчас, правда, у него в руках была другая мельница, да и представления о величии германской армии приобрели другую форму, но зато теперь приходило спокойствие, позволявшее на все смотреть отстраненно, будто издалека.

Когда комната наполнилась ароматом кофе, Оверат понял, что не сможет отказаться от сигареты, и, переплетая кофе с табачными затяжками, он в самом деле увидел в письме Зайенгера что-то другое. Что именно, он пока не мог сказать даже себе, но это новое ощущалось.

Теперь, понял он, следует немного прогуляться, чтобы мысли ощутили одиночество и сами пришли в необходимый порядок, не подчиняясь его, майора Оверата, настроению.

Он не удивился, когда это произошло, когда появились новое понимание и мысли о том, что и как следует делать.

Входя в кабинет, приказал вызвать лейтенанта Зайенгера как можно скорее.

Пришедшего через полчаса лейтенанта встретил стоя у окна, специально рассчитав так, чтобы не приглашать мальчишку сесть.

– Я вижу, лейтенант, что вы прекрасно подготовились к русской кампании, – спокойно и, пожалуй, приветливо начал Оверат.

Выждал паузу, наблюдая за несколько удивленным выражением лица Зайенгера, поправился:

– Или я неправильно вас понял, Зайенгер?

Удивление не покидало лица собеседника, он хотел о чем-то спросить, но майор и не думал останавливаться.

– Получив от вас это, – Оверат неопределенно мотнул головой куда-то в пространство, – я подумал, что вы решили пошутить в стиле Татьяны Лариной. Вы слышали о русском поэте и писателе Пушкине? В его поэме Татьяна Ларина, дочь дворянина, пишет любовное послание Евгению Онегину. Не слышали?

Оверат неторопливо вытащил сигарету.

– Жаль. Я-то уж обрадовался и вашему чувству юмора, и особенно вашим познаниям в области русской души.

Зайенгер, до этого стоявший напряженно, расслабился и слегка улыбнулся:

– Господин майор, я тяготею скорее к американской культуре, чем к славянской.

Оверат понимающе повел головой:

– Вы, кажется, довольно долго жили там, лейтенант. Насколько я знаю, преимущественный образ жизни американцев – игра. Это так?

Зайенгер уже совсем успокоился:

– У меня создалось впечатление, господин майор, что американцы весьма прагматичны и очень четко делят время на ту часть, которую у них забирает бизнес, и ту, которую они оставляют себе. И в этом смысле игра – способ отдыха. Американцы вполне могут отправиться на игру всей семьей, включая...

И тут Оверат почти закричал:

– Черт с ними, с этими американцами! Что за игры придумали вы, Зайенгер? Вы не хотите, надеюсь, назначить мне свидание?

Зайенгер стремительно покраснел:

– Господин майор...

Оверат шлепнул ладонью по столу, выпрямился и прошипел:

– Молчите, Зайенгер! Не смейте перебивать меня!

Подошел вплотную:

– Что вы о себе возомнили?

Зайенгер, дождавшись крохотной паузы, сказал с нарочито спокойным видом:

– Не составит большого труда, господин майор, выяснить, кто из нас прав, изложив суть дела в рапортах...

Он замолчал, ожидая, что Оверат начнет задавать вопросы, но тот снова вернулся к сигарете, закурил, потом подошел к окну.

Дождавшись, когда тишина начнет давить, майор прервал ее вопросом:

– Вы всерьез полагаете, что кто-то будет вас защищать, узнав, что вы осуждаете решение фюрера о стратегии восточной кампании?

Зайенгер немного смутился, но ответил все тем же ровным голосом:

– Достаточно будет сказать, что вы просто выдернули фразу из контекста, господин майор.

Снова нависла тишина, но длилась она недолго. Оверат решил, что если нельзя уничтожить этого мальчишку, то надо приоткрыть ему крохотную лазейку:

– Зайенгер, вы молоды и в принципе у вас хорошие перспективы, но есть вещи, которые не даются учебой в самых лучших университетах, а постигаются на своей шкуре в ежедневных трудах. В трудах, Зайенгер, а не в размышлениях.

Теперь майор вернулся к сигарете надолго и продолжил только после того, как затушил ее.

– О чем это я?.. Ах, да...

Он вернулся к столу:

– О ваших теоретических построениях. Зайенгер, все было бы именно так, как сказали вы, если бы не одна неточность. Только одна, но важная.

Майор Оверат неторопливо отправился к кофейному столику, насыпал зерна в мельницу и начал молоть.

– Все было бы хорошо, все было бы в вашу пользу, если бы вы обратились ко мне с рапортом, а не с письмом.

Он высыпал смолотый кофе в кофейник и снизошел до лейтенанта:

– Понимаете разницу?

И, увидев произвольное движение того «не понимаю», закончил партию так, как и планировал:

– Все, что я сейчас могу для вас сделать, это разрешение перенести все, что написано в письме в рапорт. Это все в данный момент. Ступайте.

И, когда Зайенгер потянулся к дверной ручке, выпустил последнюю стрелу:

– Ваши советчики иногда просто не вникают в суть происходящего.

Эту фразу он продумал несколько раз. Начни Зайенгер возражать, майор засомневался бы. Промолчи он безучастно – тоже. Но Зайенгер произвольно повернулся к нему с таким видом, будто хотел спросить, «откуда вы это знаете, господин майор», что все стало ясно.

Подтвердилось это через два часа, когда уже темнело, и Зайенгер пришел с рапортом. Отдав его, спросил разрешения идти, но был остановлен тихим, почти дружелюбным голосом Оверата:

– Полно вам, лейтенант, не считайте, что только вы всей душой болеете за победу германского оружия! Садитесь! Хотите кофе!

И, не дожидаясь ответа, попросил:

– Пока я готовлю кофе, повторите тезисно то, что хотели сказать. Бумагу вашу, – усмехнулся Оверат, – я прочел, но живую речь воспринимаю лучше.

Выслушал внимательно, потом еще несколько минут пытал вопросами, после чего сделал то, что было главным сегодня.

– Урок, который вам следует извлечь сегодня, мой дорогой лейтенант, таков: предлагая вышестоящему начальнику совместную игру, помните, что у него может не быть таких высоких покровителей и ваша восхитительная идея может показаться провокацией.

Майор слегка подался вперед, взгляделся в глаза Зайенгера:

– Понимаете меня? Понимаете. Теперь выкладывайте главное в той последовательности, которая была вам рекомендована.

Выслушав, встал, дождался, пока поднимется Зайенгер, подошел к нему вплотную и проговорил тихим голосом, глядя прямо в переносицу замершего лейтенанта:

– Запоминайте!

И, завершив энергичную, но весьма краткую речь, сказал, снова с усмешкой:

– Помните главное: человеку всегда кажется, что времени у него много, но лениться нам некогда. Лениость – грех.

1941 год, октябрь, Москва

Совещание проводил Меркулов, но все ожидали, что в любой момент войдет Берия: уж больно важен вопрос.

Всеволод Николаевич сразу задал тон совещанию, осадив секретаря партячейки одного из управлений Филимонова, который начал с трескучих фраз о «тяжелейшем моменте» и «небывалой задаче»:

– Момент, каким бы трудным он ни был, требует дел, а не причитаний!

Обвел всех взглядом и продолжил:

– Прошу всех высказываться только по существу, без лирики и демагогии. Лопатин, начинайте!

Старший лейтенант Ломакин поднялся, провел пальцами под ремнем, поправляя гимнастерку, откашлялся. Докладывал спокойно и обстоятельно: подбор людей продолжается, случаются задержки по времени, но это совершенно естественно, поскольку военные дорожат каждым человеком, а посему стараются как можно скорее проверять сведения, сообщенные теми, кто вышел из окружения, и сразу же включают этих людей в состав формирующихся частей.

Филимонов перебил:

– По имеющимся у меня сведениям, вы, старлей, сообщили в целом о таком числе выявленных вами возможных членов спецгрупп, что их хватило бы на сотню групп, а вы по-прежнему не докладываете о выполнении задания, – Филимонов обвел всех взглядом. – Это, знаете ли, наводит на мысли...

Пауза наступила неприятная.

Прервал ее Меркулов:

– Вы, Филимонов, считаете, что группа Ломакина занимается саботажем? Я правильно вас понял?

Филимонов, довольный тем, что снова оказался в центре внимания, повернул лицо к Меркулову, бодро поднялся и начал:

– Я, Всеволод Николаевич, сказал о том, что затяжка времени группой старшего лейтенанта Ломакина в данный момент времени, в данных обстоятельствах мешает нашему общему делу.

Меркулов уже начал подниматься со своего стула, когда от двери раздался голос Берии:

– Ну, что же, товарищ Филимонов, возможно, руководство в самом деле упустило из-под контроля работу группы товарища Ломакина. К сожалению, промахи в работе могут быть у любого человека, следовательно, они могут появиться и у группы лиц. Вы совершенно правы.

Все знали, что с того момента, когда был создан Государственный Комитет Оборона, а произошло это тридцатого июня, Берия занимался вопросами работы наркомата внутренних дел только в отношении самых важных дел, непосредственно касавшихся ГКО.

Появление его на, казалось бы, рядовом совещании, которых в день бывало до десятка, могло означать только одно: вопрос отнесен к числу важнейших!

– В чем конкретно, товарищ Филимонов, вы видите промахи товарища Ломакина?

– Я считаю, товарищ Берия, что работать следует быстрее и результативнее, – проговорил Филимонов и замолчал.

Берия не спеша прошел от двери, где он продолжал стоять еще некоторое время, взял стул, стоявший у стены, поставил его рядом со стулом, на котором сидел Меркулов, уселся. Но не сразу. Еще немного поерзал, то ли устраиваясь удобнее, то ли намеренно обостряя ситуацию.

– Что вы молчите, товарищ Филимонов? – спросил он вдруг, будто опомнившись. – Мы ждем.

– Видите ли, товарищ Берия...

Филимонов развел руками.

– Дело в том, что, как я считаю, сейчас дорог каждый час, каждая минута, а группа товарища Ломакина топчется на месте.

– Товарищ Филимонов, я прошу вас говорить конструктивно, – в голосе Берии появились металлические звуки. – Какие ошибки видите вы?

– Товарищ Берия, задача, поставленная перед группой Ломакина, заключалась в том, чтобы отобрать сорок-пятьдесят человек для выполнения важного правительственного задания, а мы видим...

– Вы не видите, Филимонов! – вскочил Берия. – Вы пытаетесь делать вид, что заняты делом, а занимаетесь лишь демагогией!

Он подошел к двери кабинета, распахнул ее и спросил у секретаря:

– Что у вас записано? Когда я вошел в кабинет?

Выслушав ответ повторил:

– Четырнадцать тридцать семь?

Идя к столу, демонстративно посмотрел на часы:

– Сейчас четырнадцать сорок три, и вы, Филимонов, отняли время у всех присутствующих, включая члена Государственного Комитета Обороны!

Остановился, повернулся к замершему Филимонову и повторил:

– Вы отняли у нас шесть минут своей пустой болтовней, которая заставила нас отвлечься от главного!

Берия сел и сказал, обращаясь к Меркулову:

– Обязательно таких людей приглашать на совещания? У него важный участок?

Потом предложил:

– Всеволод Николаевич, продолжайте! Простите, что перебил.

Совещание закончилось через час с небольшим. Когда все вышли, Берия сказал Меркулову:

– Идея этого старлея... как его...

– Ломакин! Старший лейтенант Ломакин.

– Да! Идея хорошая. Мы и сами должны были понять, что люди, которые там воевали несколько недель назад, знают обстановку гораздо лучше. Так что лучше его не торопить, не пускать к нему всяких «филимоновых», которые хотят лозунгами жить. Согласен?

– Согласен-то я согласен, – кивнул Меркулов. – Но как бы нам не перегнуть палку в другую сторону.

– Как понимать?

Меркулов развел руками, будто призывая признать очевидное:

– Среди них могут оказаться люди, жаждущие как можно быстрее снять с души вину за поражения, за окружение, а это их подтолкнет к поступкам рискованным, авантюрным.

– И что? Не вполне понимаю мысль!

– Своим авантюризмом они могут поставить под удар своих товарищей и косвенно успех всего дела.

– Это все общие слова, а мы их недавно наслушались, – голос Берии стал жестче. – Идет война, жертвы, смерти, разрушения неизбежны, и мы не можем отвлекаться на общие рассуждения.

– Есть неизбежные жертвы, а есть просто поспешность, ничем не мотивированная. Поэтому я предлагаю продумать связь таких групп с партизанскими отрядами, действующими в районах возможного нахождения грузовиков.

Берия вскинул голову, внимательно посмотрел на Меркулова:

– Вот это идея! Она заслуживает внимания, и внимания самого серьезного! Партизаны, конечно, знают местность много лучше, чем любой военный или чекист, побывавший там, а,

с другой стороны, человек, прошедший там с боями, дополнит это знание местности своими знаниями и, что еще важнее, переживаниями, эмоциями!

Берия поднялся, прошелся по кабинету молча, но было ясно, что он обдумывает сказанное хозяином кабинета.

– Подготовьте ваши предложения на страницу-полторы, я доложу в ГКО.

Меркулов заметил, что в последнее время (недели три-четыре) Берия почти говорил не «доложу товарищу Сталину», а «доложу в ГКО», и понимал – растет человек! А если он растет, то надо ему помогать, потом сторицей окупится!

К записке, которую Меркулов готовил сам, был приложен список семнадцати партизанских отрядов, действовавших в тех местах. Особым порядком он указал еще четыре, к созданию которых ни НКВД, ни наркомат обороны, ни Москва вообще не имели никакого отношения.

На вопрос Берии, который попросил лично доставить записку, Меркулов ответил откровенно, как коллеге и товарищу:

– Все, что проходит через Москву, может быть известно и противнику. А эти отряды – наш секрет.

Просмотрев все и задав вопросы, Берия Меркулова отпустил со словами «сообщу о принятом решении», но через несколько дней перезвонил, сообщил, когда надо быть в Кремле.

Сталин беседу начал с того, что вспомнил советско-польскую войну, но совершенно не упоминал ни свое участие в ней, как члена Реввоенсовета Западного фронта, ни Тухачевского, который командовал фронтом.

Сталин говорил о пространствах, о лесах, о равнинах. Говорил обстоятельно, со знанием дела, и заключил:

– Это правильно, что вы будете использовать местных жителей. Но надо иметь в виду ряд немаловажных обстоятельств.

Сталин закончил набивать трубку, стал ее раскуривать.

Потом поднялся, указав рукой, что Берия и Меркулов могут продолжать сидеть, и прошелся по кабинету.

Вернувшись к столу, остановился напротив них и продолжил:

– Эти люди резко и безжалостно выброшены из своей привычной жизни. Помимо всего прочего, в отличие от нас с вами, они лишены крова над головой, не говоря уже о самых простых бытовых вещах, таких, как питание, лечение или образование для их детей. У многих погибли родные люди, и это тоже делает обстановку неуверенной, тревожной. Люди хотят скорее вернуться к обычной жизни. Это надо учитывать, когда будете работать на местах.

– Понятно, товарищ Сталин, – отозвался Берия.

Сталин недовольно поморщился:

– Что вам понятно, товарищ Берия?

– Понятна необходимость учета всего комплекса обстоятельств, сопровождающих жизнь людей на... тех территориях.

– На оккупированных территориях! – повысил голос Сталин. – На оккупированных!

Прошел к своему столу, положил трубку в пепельницу, продолжил уже совершенно спокойно:

– Продумайте вариант, чтобы как можно меньше людей знало о прибытии наших групп. Среди тех, кого война выгнала в лес, могут быть и слабые люди, и просто предатели.

Когда на следующий день Меркулов доложил, что партизанские отряды будут использоваться только в смысле оказания помощи, но не близкого сотрудничества и тем более не для размещения, Сталин выслушал, сказал «хорошо» и положил телефонную трубку.

Потом снял ее и набрал номер по памяти.

Сказал, не здороваясь:

– Петр Петрович, ты меня поджидай в двадцать три ноль-ноль.

Поздно вечером, едва Петр Нефедов сел в машину и поздоровался, Сталин сказал ему:

– Придется Артема вызволять.

1941 год, октябрь, Лондон

В основе всякого политического успеха лежат всего несколько простых истин, которым упорно следует тот или иной человек. Мысли эти могут быть так же несложны, как рисунок ребенка, но это уже вторично. Главное в том, чтобы не отступаться от них ни на йоту, а если все же приходится это сделать, то следует сделать вид, что это именно тот случай, когда «исключение подтверждает правило». Только так утверждается исключительное право диктовать свою волю!

Британский премьер-министр Уинстон Черчилль был уверен, например, что к борьбе готов только тот, кто хорошо высыпается. Поэтому с момента своего вступления на этот высокий и весьма достойный пост он установил негласное правило, исполнявшееся неукоснительно: будить его раньше восьми часов утра можно было только в случае нападения Германии на Остров.

Таким образом, мистер Черчилль сразу дал всем понять, что в мире нет ничего более важного, чем Британская империя, веками отдающая свои силы единственному достойному делу – поддержанию мира и порядка во всей Вселенной!

Мысль эта показалась совершенно естественной многим, кто еще недавно видел в Черчилле уходящего с политической арены крикуна, который способен только злобно нападать на тех, кто хранит порядок, установленный после недавней мировой войны, победу в которой одержала Британия, бесспорно, Британия и только Британия!

И хотя беспредельная самоуверенность Черчилля продолжала быть его визитной карточкой, именно его призвали бог и король в трудный момент, и это нельзя было игнорировать.

Война – следует признать – не лучшим образом отражалась на британцах и в дворцах, и в хижинах, но всем импонировала откровенность премьера, который уже в первой своей речи в новом качестве заявил, что может обещать жителям Островов лишь «пот, кровь и слезы» как неизбежных спутников борьбы с Гитлером.

Итак, утром 22 июня 1941 года наступления восьми часов и ждал, то и дело поглядывая на циферблат часов, личный секретарь премьер-министра Джон Руперт Колвилл, которого мистер Черчилль называл Джоком.

Самого Колвилла разбудили в два часа ночи и сообщили, что немцы напали на русских, но ему и в голову не пришло беспокоить премьера. Джек счел достаточным позвонить военным, узнать, нет ли признаков того, что нападение на Остров начнется в ближайшие часы, и, получив отрицательный ответ и обещания тотчас поставить его в известность в случае появления таковых признаков, попросил приготовить ему чай.

Готовясь к тому, чтобы разбудить премьера и сообщить ему важную новость, Колвилл вспоминал о разговоре, состоявшемся накануне. Впрочем, вряд ли это можно было называть разговором. Это был простой обмен словами, который часто случался между ними, несколько фраз, сказанных скорее инстинктивно, в ответ на чужие слова, но сейчас значение их возросло до масштабов истории.

Вчера после обеда, когда он помогал премьеру разбирать поступившие бумаги, Черчилль заметил, что немцы достаточно откровенно – в некотором смысле – копят войска на русской границе. Колвилл, уловив желание собеседника отвлечься легким разговором от утомительного занятия, поддержал беседу, высказав свое мнение в том смысле, что эти действия могут быть дьявольской германской хитростью, которая должна ослабить внимание англичан?

Черчилль несколько раз пыхнул сигарой, а потом буркнул:

– От этого ефрейтора можно ожидать всего: он лишен моральных основ и принципов.

Подумав, добавил:

– Как, впрочем, и коммунисты.

– Но нам придется выбирать, – отложил бумаги Колвилл, почувствовавший, что беседа, кажется, начинается. – Выбирать при том, что вы, Уинстон, никогда не были сторонником ни нацистов, ни коммунистов.

Черчилль положил сигару, уперся руками в бока, набычился и отчеканил:

– Симпатий ни к тем, ни к другим я не испытываю, вы правы, Джок. Но есть вещи, которые помогают нам жить в этом мире. В данный момент у меня лишь одна цель – уничтожить Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин.

Джок хотел спросить о том, как же изменилось отношение к коммунистам, но премьер уже окунулся в бумаги.

Не прошло и двенадцати часов, а Гитлер уже «вторгся в ад», и сейчас Колвилл остро ощутил себя причастным к истории, которая, конечно, помнит всех, к кому она прикасалась хоть мимолетно.

Ровно в восемь Джок отворил дверь и вошел.

Он еще шел к окну, ступая осторожно, чтобы не разбудить премьера, когда тот, не открывая глаз, спросил:

– Какое сегодня утро?

Колвилл несколько секунд стоял неподвижно, потом, удостоверившись, что премьер действительно проснулся, отправился открывать окна и начал говорить, что утро сегодня, пожалуй, скорее хорошее, но внезапно был остановлен новым вопросом:

– Что у нас случилось?

Колвилл не удивился. Его всегда поражало чутье Черчилля. Он приостановился и сказал:

– Сегодня утром Гитлер напал на Сталина. Я ждал восьми часов, чтобы доложить вам, сэр.

Черчилль уже сидел на кровати, опустив одну ногу на пол и готовясь опустить вторую, но, услышав главную новость, замер.

Потом усмехнулся:

– Джок, вы помните наш вчерашний разговор?

Колвилл хотел было сказать, что те несколько фраз, которые он слышал вчера, сейчас входят в историю, но не успел: Черчилль быстро пришел в себя и уже не отвлекался на сантименты.

– Немедленно пригласите ко мне всех, кто был на совещании вчера вечером.

Помолчал и добавил:

– Как можно скорее.

После этого откинул одеяло, надел брюки, прошелся по комнате. Сонливости и следа не осталось, он весь превратился в сгусток энергии, а мозг работал с бешеной скоростью, планируя сегодняшний день.

Совещание, конечно, весьма важно, но это для узкого круга лиц, которые к тому же будут лишены права рассказывать о нем в подробностях. Значит, оно останется неизвестным для большей части населения, а Черчилль прекрасно помнил, как мгновенно выросла популярность короля после того, как он выступил по радио с речью о вступлении страны в войну с Гитлером!

Значит, и ему, премьер-министру, надо обратиться к нации с речью!

Выросший в британском парламенте, Черчилль был уверен, что речь – самый важный и сильный инструмент политика. Речь позволяет открыто и прямо сказать о своих желаниях и возражениях, представив их желаниями и возражениями всей империи!

Сказать и приложить все силы, чтобы убедить!

Пожалуй, начать надо с того, что именно его, Черчилля, политика, именно его старания отвели от Британии главную угрозу!

Во всяком случае, надо дать всем понять это!

Обычно премьер-министром назначали лидера партии, победившей на выборах, но в мае прошлого, 1940 года получилось так, что Черчилль попал на этот пост лишь в силу сложившихся обстоятельств, не располагая поддержкой большинства в партии, и многие долго говорили о необходимости еще раз тщательно все взвесить.

Пусть молчат теперь ехидные критики, шепчущиеся по углам! Именно он, премьер-министр его величества Георга VI, отвел угрозу от империи! Именно его, Уинстона Черчилля, мудрая политика привела к тому, что сцепились в смертельной схватке два чудовища, которые сейчас будут вынуждены разбрасывать свои ресурсы.

Он ходил по комнате, громко произнося фразы из своего предстоящего выступления, внимательно вслушивался в них, оценивая точность слов и легкость конструкций. Иногда возвращался к произнесенной фразе, чтобы поправить ее, сделать еще более напористой, безапелляционной!

Он не собирался отступать!

Да-да, именно так: не принимать ни единого слова возражений!

И он вновь принимался за свою речь, заноса на бумагу понравившиеся фразы, чтобы потом безжалостно вычеркивать и слова, и мысли.

Время от времени он отмечал мысли, которые не должны были войти в сегодняшнюю речь, но могли понадобиться в ближайшем будущем.

Внезапно он, как и Колвилл, вспомнил вчерашний разговор, и неожиданная мысль пронизала его!

Мысль настолько страшная, что он замер посреди комнаты.

Что, если все происходящее там, на другом конце Европы, – гигантский фарс, спектакль, разыгранный Сталиным и Гитлером?

Что, если это просто приготовленная ими ловушка?

Он – премьер его величества – будет жить в убеждении, что опасность вторжения на Острова отодвинулась далеко на восток, а эти коварные тираны, усыпившие его бдительность, уже готовы вторгнуться и уничтожить последний оплот цивилизации.

Ее истинный оплот!

Нельзя же, в самом деле, всерьез рассчитывать на американцев как на лидеров человечества!

Да, решил Черчилль, ни в чем нельзя быть уверенным до конца. Ни в чем!

Надо приложить все силы, чтобы центром, где решаются судьбы мира, оставалась Европа!

Да, именно так!

Немного успокоился: что за глупость! Слишком далеко от реальности предположение о сговоре Сталина с Гитлером.

Значит, началась общеевропейская война, которая может отвлекать немцев от Англии! И, следовательно, надо сделать все, чтобы эту возможность делать реальностью, максимально наполненной действием!

Перебирая все возможности – даже самые мелкие, обеспечить безопасность Британии и удерживать русских в состоянии растущей неуверенности, отбирал все, что приходило на ум.

Надо немедленно сообщить Сталину о поддержке, которую он может получить от правительства его величества. Да, именно так! Нельзя допустить, чтобы немцы быстро закончили войну и вернулись на запад континента, к Ла-Маншу.

Черчилль прекрасно понимал – пусть и сугубо умозрительно, – что масштабы большевистской империи несопоставимы с расстояниями, например, в какой-нибудь Бельгии, которую можно за день пересечь на велосипеде. В России немцы застрянут, даже если будут продвигаться вперед достаточно быстро.

Это хорошо, отметил он автоматически. Это надо тоже занести себе в актив, когда придется выступать через некоторое время после германского нападения.

Черчилль с огорчением признал, что о реальной военной помощи русским сейчас и речи быть не может. Он понимал, конечно, что и впоследствии эта помощь будет носить только символический характер, но именно сейчас, в первые дни, а еще лучше часы, символические жесты будут наиболее заметны и чаще вспоминаемы!

Внезапно остановился на Польше!

Ну, а что...

Во-первых, можно будет вести разговоры о расширении подпольной борьбы на территории бывшей Польши.

Если такая борьба развернется, то руководить ею будут, естественно, отсюда, из Лондона, где находится польское правительство в изгнании. А это значит, что можно и нужно будет вести речь о той помощи, которую оказывает Британия, организовывая, координируя и снабжая необходимым подпольные группы вооруженного сопротивления.

Замечательно! Это просто замечательно!

Во-вторых, и это тоже весьма важно, Польша станет козырной картой в будущем, потому что теперь, обсуждая возможное сотрудничество и помощь, от Сталина можно будет требовать многое, прикрываясь интересами Польши.

Узнав в сентябре 1939 года о том, что русские вошли на территорию Польши, Черчилль не выказал удивления, понимая, что Сталин просто произвел мягкий упреждающий жест. Наступление немцев развивалось так успешно, что Гитлер вполне мог продвигаться все дальше и дальше в сторону России.

Черчилль помнил, как вокруг него и других участников Парижской мирной конференции, происходившей после окончания Первой мировой войны, кружили польские представители, назойливо жужжавшие о «необходимости возвратить исконно польские земли, захваченные русскими». Сперва Черчилль ощущал желание помочь возрождающейся Польше и попросил подготовить ему историческую справку о принадлежности оспариваемых территорий.

Прочитав, усмехнулся. На земли, которые требовала «вернуть» Польша, точно так же могли претендовать, например, Испания или Греция.

Он, будто между прочим, уронил фразу о Польше в беседе с корифеем европейской внешней политики сэром Джорджем Керзоном, к мнению которого прислушивались все участники Парижской мирной конференции, подводившей итоги только что закончившейся мировой войны.

Керзон внимательно выслушал Черчилля, потом усмехнулся и сказал:

– Уинстон, вы настолько безрассудны, что вызываете этим симпатию. Признаться, порой мне импонирует ваше нахальство, которое когда-нибудь сделает вас или великим политиком, или великим неудачником. Но это в будущем, а пока не лезьте туда, где вы ничего не понимаете. Я не менее вас не люблю этих буянов из России, но вмешиваться в их дела нельзя.

И, казалось, прочитав вопрос в глазах Черчилля, пояснил:

– У нас и у самих полчища таких же отчаянных голов, которые готовы строить баррикады, поверьте! Стоит нам выказать неодобрение русским, у нас тотчас возникнут проблемы, которые не пойдут нам во благо, поверьте. И если мы перегнем палку, сдерживая большевиков, ситуация станет слишком сложной. И учтите позицию американцев, которые спят и видят, как втыкают нож нам в нижние части, – ухмыльнулся Керзон. – Так что успокойтесь и готовьтесь к будущему, которое вы можете сделать великим. Не следует портить его горячностью.

Дождавшись, пока Черчилль дойдет до двери, окликнул:

– Не беспокойтесь, я уже приготовил предложение, которое должны будут принять и поляки, и русские. Поймите, Уинстон, вся история поляков показывает, что они никогда не

отличались самостоятельностью, а водить их за руки сейчас просто не время. Есть заботы важнее этой.

Он и в самом деле предложил оставить большевикам земли по линии, которая была границей Российской империи до начала мировой войны.

Керзон был непоколебим, но поляки были этим недовольны, подзуживали французов и американцев, и даже отваживались встречаться с членами английской делегации.

Во время встречи с одним из таких «представителей», слушая речи об «историческом предназначении Польши», Черчилль не преминул повторить слова Керзона о том, что поляки не готовы к самостоятельности, понятно, не упоминая того.

Поляк, не обнаруживая никакого смущения, признался:

– Вам-то какая разница? Главное для вас, как мы понимаем, постоянно держать русских в узде! А сильная Польша, которую поддерживает Британия, сильная Польша, которая хочет все больше и больше от восточного соседа, – это и узда, и хлыст, мистер Черчилль.

Черчилль с интересом воззрился на «представителя»: он явно впал в роль «учителя», и этого нельзя было прощать.

– У хлыста, друг мой, никто не будет спрашивать, в какой сапог его засовывать: в левый или в правый!

С удовольствием посмотрел на вспыхнувшего поляка, но улыбку придержал: во всем должна быть мера.

А вот поляку чувство меры оказалось несвойственным.

Когда они увиделись после знаменитого «удара Пилсудского», остановившего наступление Советов на Варшаву, он сказал, не скрывая торжества:

– Пан Черчилль стал свидетелем удивительного события: хлыст стал самостоятельным и не нуждается в сапоге.

И позднее, когда Польша приютила у себя разнообразный сброд из бывшей Российской империи, Черчилль удивлялся: чему служит такая бессмысленная жадность!

Он и сейчас без всякого сочувствия и сожаления поглядывал на поляков, погрязших в грызне и скитавшихся по Лондону в поисках хоть каких-нибудь денег, и думал о том, что эти жалкие люди сделали свой выбор, бросив свою родину, сбежав из-под огня, презрев долг политика – или победить, или умереть!

Может быть, где-то в глубине души он и думал иначе, но менять своего отношения к полякам не собирался. Они были беглецами и обузой. Во всяком случае, до сегодняшнего дня!

Сегодня же можно было использовать их для давления на Сталина, ему нужен каждый солдат! Во всяком случае, его следует в этом убедить!

На следующий день премьер-министр польского эмигрантского правительства Владислав Сикорский выступил с обращением к полякам, которое многие в Британии расценили как предложение сотрудничества.

Через пару дней английский журналист, которого все считали вхожим в высокие кабинеты, во время ужина встретился с Сикорским.

Отведя генерала в сторону, он сказал, глядя на него с тонкой ухмылкой:

– Мистер Сикорский, не слишком ли сильно Польша стала любезничать с Москвой? Помните, совсем недавно вы, лично вы, сражаясь с русскими, готовы были пролить кровь, – убрал ухмылку с лица и продолжил сухо, почти угрожающе: – И свою, и русскую.

Потом, вытягивая из кармана сигареты, продолжил:

– Роджер Бэкон однажды сказал...

Сикорский перебил:

– Прекратите демонстрировать свою начитанность! Политика – это не философия, не книжная мудрость. Политика – это действия, внушаемые каждым конкретным моментом. И никак иначе!

Через месяц там же в Лондоне состоялось подписание советско-польского договора, который возвел это сотрудничество в ранг политической реальности.

Премьер-министр Черчилль на этой церемонии не присутствовал. Был весьма занят.

И вообще следовало тщательно скрывать, как важна для Черчилля и, следовательно, для Британии польская карта.

1941 год, ноябрь, Белоруссия

После выволочки Зайенгер затих. Он и прежде, надо признать, не старался быть все время на виду у майора, а тут и вовсе появлялся только на время занятий, которые продолжал усердно проводить. Оверат решил, что пресек все поползновения лейтенанта и может более не думать о нем, тем более что появились такие заботы, которые были гораздо важнее ущемленного самолюбия наглого мальчишки.

Майор готовился к предстоящему совещанию у полковника Шройбера, на котором, по слухам, должен был присутствовать высокий чин из Берлина, специально для этого прибывающий сюда всего на несколько часов.

По должности своей Шройбер должен был заниматься организацией работы тыловых служб и некоторыми вопросами снабжения, но все знали, что обязанности его гораздо шире тех, о которых говорили открыто. Знали, что Шройбер не только постоянно отвечает на звонки из берлинских кабинетов, но и сам часто звонит туда и тон его не всегда тон, которым следовало бы говорить с руководством.

Формально предстоящее совещание было посвящено вопросам снабжения, но все уже знали, что речь пойдет о бандитах, которые, прячась в лесах, наносят комариные укусы вермахту, стараясь оттянуть момент великой победы! Однако, беседуя о предстоящем совещании с другими, с людьми, которые были лучше осведомлены, Оверат слышал так много пышных фраз, произносимых уверенным тоном, что сделал вывод: проблема этих самых «жалких бандитов из леса» выходит за рамки текущей повседневности и становится все более и более опасной.

Тем удивительнее было узнать, что на совещание к полковнику Шройберу был вызван не только Оверат, но и все тот самый лейтенант Зайенгер.

Совещание и на самом деле было весьма представительным, вел его личный представитель руководителя РСХА штандартенфюрер Борциг, сразу же подтвердивший подозрения Оверата, как, видимо, и многих других. Партизаны представляют собой серьезную угрозу, которую, как считают в Берлине, еще не все на местах оценили должным образом!

Борциг говорил без всяких бумаг, свободно оперируя цифрами, фактами и именами, которые были известны большинству собравшихся, но рисовал из них такую картину, которая произвела на всех самое серьезное впечатление. Стало ясно, что проблема успела затронуть все службы, какие только работали тут, в тылу, который уже можно было называть глубоким.

Теперь, когда собрались только люди, имеющие непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам, каждый выступавший говорил не общими фразами, а оперировал примерами, цифрами, именами. Слушая выступающих, Оверат, и без того достаточно полно информированный об обстановке, видел ее все более объемно и понимал, что участие абвера в борьбе с партизанами неизбежно.

Ну, что же! Тем лучше! Если участие неизбежно, то надо проявить инициативу! Это всегда приветствуется!

Шройбер был категорическим противником курения, поэтому каждый час объявлял перерыв, во время которого вокруг гостя из Берлина возникал стихийный кружок, где каждый норовил обратить на себя внимание.

Именно во время очередного такого перерыва Оверат, увидев, что людей в окружении гостя из Берлина становится меньше, направился в его сторону и был удивлен, что тот и сам уже сделал несколько шагов в его сторону.

Приостановившись, Оверат начал было:

— Господин полковник, я хочу посоветоваться с вами...

Однако берлинский гость продолжал движение, глядя куда-то за спину Оверата, и радостно улыбался, раскрывая руки будто для объятий. Поворачиваясь за ним, майор неожиданно увидел, что навстречу с такой же улыбкой двигается Зайенгер.

Борциг остановился со словами:

– Люци! Неужели это ты!

Ответ Зайенгера поразил не только Оверата, но и всех, кто стоял рядом.

Юный лейтенант сделал шаг навстречу штандартенфюреру и сказал просто:

– Здравствуй, Клаус!

И тотчас пропал в его объятиях.

Когда объятия разомкнулись, штандартенфюрер, оглянувшись по сторонам и, видимо, осознав неловкость столь бурного проявления чувств, сказал негромко:

– Задержись после совещания, старый товарищ!

Потом с некоторым удивлением взял Зайенгера за правую руку и потянул ее к себе. Спросил уже иным, строгим тоном:

– Почему ты не нашёл шеврон старого бойца?

Оверата поразил вопрос. Он знал, что «старыми бойцами», имевшими право носить этот знак отличия, считались члены НСДАП, вступившие в партию до января 1933 года, то есть до того времени, когда партия, ведомая Адольфом Гитлером, завоевала власть.

Сейчас на дворе сорок первый год, размышлял Оверат. После того как партия взяла власть в свои руки, прошло восемь лет. Зайенгеру не более двадцати пяти лет. Что же получается: он стал нацистом в семнадцать лет? И сделал что-то важное для победы партии? Это невероятно! Это не отмечено в его досье!

Оверат снова разнервничался, но не подходит же с вопросом к лейтенанту!

Однако он и не подозревал, что настоящее удивление только предстоит.

Видимо, желая смягчить публичный упрек, штандартенфюрер сказал вновь тем же радостным голосом:

– Тебя часто вспоминает наш товарищ из Браунау.

Слова про «товарища из Браунау» добились Оверата.

Он сразу же вспомнил, как четыре года назад принимал участие в операции по раскрытию заговора врагов против фюрера.

На след заговорщиков вышли, когда обиженная постоянной занятостью мужа-военного жена написала жалобное письмо, в котором, в частности, рассказала о том, что муж, скорее всего, пропадает у своей новой пассии, которая работает натурщицей. Сотруднице абвера, «случайно» познакомившейся с написавшей донос скучающей и ревнующей женой, та сообщила новую подробность: видимо, муж весьма ревнует подлую разлучницу. На вопрос о поводах к таким умозаключениям негодующая супруга ответила, что они с друзьями постоянно упоминают в своих беседах некоего «маляра из Браунау», который, видимо, тоже пользуется благосклонностью негодяйки!

Сотрудница, услышав эту леденящую душу подробность, почти сразу же стала прощаться, советуя обманутой супруге верить в то, что все скоро закончится. Уж она-то точно знала, что выражение «маляр из Браунау» носило саркастический характер и исходило из юношеского стремления фюрера германской нации Адольфа Гитлера стать художником.

После этого спрашивать Зайенгера хоть о чем-то Оверат не хотел, опасаясь ответа.

А еще он удивился, когда почти сразу после окончания совещания к машине подошел Зайенгер и стал открывать заднюю дверь.

– Кажется, штандартенфюрер просил вас остаться, лейтенант?

– Так точно, господин майор, но мы уже обо всем поговорили! – тоном младшего по званию отчитался Зайенгер, становясь для Оверата настоящей загадкой.

Правда, разгадка стала известна вскоре.

Уже следующим утром начальник караула доложил Оверату, что пропустил без его разрешения на территорию школы легковой автомобиль, в котором находятся два офицера, причем один из них предъявил особые полномочия, оспаривать которые у начальника караула не было никакой возможности.

Поскольку Оверат уже находился в кабинете, известие его не застало врасплох, не смутило. Он не удивился и позже, когда, выйдя из здания, увидел выходящих из автомобиля штандартенфюрера Борцига и сопровождавшего его штурмбаннфюрера Лиске из минского гестапо.

К сообщению Оверата о том, что он по утрам прогуливается по территории, контролируя активность и дисциплину, отнеслись с пониманием и мягко навязали свою компанию, отправившись вместе с ним.

– Господа, вы имеете право знать, почему я так обрадовался, увидев вчера своего старого товарища, – без предисловий начал Борциг. – Однако предупреждаю, что все сказанное останется между нами. Людвиг Зайенгер – наш Люци, как мы его звали тогда, – в движении с 1934 года и принимал самое активное участие в восстании тридцать четвертого года!

Теперь в представлениях Оверата все стало перемещаться на свои места, а Борциг продолжал.

– Люци тогда еще не было и семнадцати лет, и все мы звали его «малышом», – улыбка озарила лицо штандартенфюрера. – Он злился и доказывал делом, что он – настоящий боец.

Борциг достал сигареты, не спеша закурил, успокоился, продолжил:

– В общем, когда шуцбундовцы прижали нас, я был ранен, потерял сознание, и Люци вытащил меня. Вытащил, хотя сам был, как тростинка. Вытащил, хотя красные шныряли повсюду. Как он сделал это – не знаю. Но он это сделал, и я тому и свидетель, и свидетельство.

Когда он начал говорить, спокойствие вновь покинуло его. Он говорил рублеными фразами, стараясь контролировать свой голос и часто прерывая рассказ глубокими затяжками.

Потом снова замолчал и сказал уже с усмешкой:

– Если бы в тридцать восьмом он сразу отправился в армию, думаю, уже был бы подполковником, не меньше. Ну а если бы в СС, то мы с ним носили бы одни погоны, поверьте мне! Но он с отцом уехал за океан.

Он поискал глазами, куда бы бросить окурок, и видно было, что он размышляет, стоит ли сказать еще что-то, а потом сказал:

– Мы с фюрером знакомы с детства, оба родом из Браунау. Поэтому, когда он узнал, кто меня спас, он запомнил Люци. А вы знаете, что это значит. Но это, господа, никому и ни при каких обстоятельствах не повторяйте.

И тотчас перешел на официальный тон:

– Лиске, мы возвращаемся. Оверат, насколько я знаю, лейтенант Зайенгер хорошо выполняет свою работу. У него не бывает отставаний в работе с курсантами?

– Никак нет! – вытянулся майор.

– Вот и славно, – будто успокоился за своего боевого товарища Борциг. – Сегодня измените планы, чтобы у него было занято три дня в неделю. В пятницу, то есть завтра, сразу после занятий вы отправите его в распоряжение Лиске. Во вторник рано утром Люци начнет занятия. А в пятницу снова уедет. Если он обратится к вам с просьбой командировать в распоряжение Лиске несколько курсантов, считайте это моим приказом! Прощайте, майор!

Неспешно возвращаясь в свой кабинет и позднее, наслаждаясь кофе, Оверат складывал мозаику, хотя основные ее элементы были совершенно ему ясны.

Итак, Зайенгер вступил в движение не позднее тридцать четвертого года и принял самое активное участие в февральском восстании, которое было подавлено «красными».

Судя по рассказам Борцига, Зайенгер и после поражения продолжал борьбу, следовательно, он, как и все австрийские нацисты, считались «старыми бойцами», если вступили в

партию до марта 1938 года, до радостного воссоединения двух неразрывных частей великой Германии!

О том, что Зайенгер лично известен фюреру, не хотелось даже думать.

1941 год, сентябрь, Белоруссия

Товарищ Голубев, который Петру Миронову так не понравился, вскоре появился, но уже не один, и спутника его Миронов видел много раз. Чаще на фотографиях в газете, но два раза видел живьем, правда, издалека.

Заместитель председателя Совнаркома Белоруссии Василий Иванович Козлов сюда, на запад республики, в районы, освобожденные только осенью тридцать девятого года, приезжал часто, поэтому люди его знали и к мнению его прислушивались.

Поэтому, когда после быстрого вынужденного рукопожатия с Голубевым – уж, куда денешься! – радостно протянул руку новому гостю, поприветствовал:

– Здравствуйте, товарищ Козлов!

Гость не удивился, улыбнулся широко и искренне:

– А вот я вас, товарищ Миронов, в первый раз вижу! Давайте знакомиться.

И, повернувшись к Голубеву, попросил:

– Вы тут уже были, товарищ Голубев, так что отдохните с дороги, а мне надо местность оглядеть, так сказать, освоиться.

Повернулся, полностью переключаясь на Миронова:

– Конечно, если хозяин не против.

Поначалу гость задавал вопросы об окрестностях, о населенных пунктах, расположенных поблизости. Позже, когда отошли метров на пятьдесят, резко сменил тему:

– Ну, давай к делу, Петр Кириллович. Надо тебе знать, что я оставлен тут для организации партизанского движения, подчиняюсь непосредственно Москве. Не скажу, что прямо товарищу Сталину, но уровень высокий. Это я к тому, что знать мне хочется как можно больше, понимаешь?

Козлов говорил, как привык на совещаниях, где присутствовали люди знающие, глубоко изучившие те вопросы, которые обсуждались, поэтому не надо было тратить время на «ликбез», неизбежный, когда к делу привлекали неспециалистов.

Миронов, однако, удивил:

– Понимаю, Василий Иванович. Чем выше уровень, тем, конечно, шире картина, но тем выше риск аберрации.

Он повернулся к Козлову и наткнулся на вытянувшееся лицо.

– Вы извините, я иногда по-учительски выражаюсь, – поправился Миронов. – Абберрация – это явление искажения, возникающее произвольно, вследствие взаимодействия различных физических сред.

Козлов громко расхохотался, но тут же оборвал себя и оглянулся.

Досмеялся уже тихо:

– Это ты меня хорошо поучил, Петр Кириллыч, молодец.

Потом посерьезнел:

– Главное, ты суть понял моментально: чем больше мы будем пользоваться неверной информацией, тем меньше вероятность успеха. А иногда так получается, что некоторые товарищи стараются картину подправить, подрисовать, так сказать, и чем выше уровень товарищей, тем больше бывает... неточностей. Тебе это особенно важно понимать: ты из числа командиров образованных, умеющих и собирать информацию, и ставить задачу по ее поиску. А какого результата мне ждать от тех, кто, к сожалению, образованием не может похвастаться? Образования нет, а с врагом сражаться рвется! Кто мне позволит его остановить, отстранить? Вот и ищу людей, как говорится, перспективных, умеющих за деревьями видеть лес в целом. Аккумуляировать, так сказать, разрозненную информацию и создавать на ее основе некоторую систему.

Посмотрел на Миронова, продолжил:

– Ты не думай, что я тебе лыщу, ты не девка крепкогрудая. Немец далеко на восток ушел, Красная армия обратно не скоро придет, так что у нас с тобой дел впереди много, и должны мы собирать тех, в кого верим, кто не подведет.

Оглянулся по сторонам, осмотрел берег реки:

– У вас тут, говорят, рыбалка знатная? Ну давай, показывай!

Когда вышли за пределы лагеря партизанского отряда, Козлов стал закуривать и вертелся при этом, прикрываясь от ветра так, что Миронов невольно улыбнулся.

Козлов, увидев его улыбку, нахмурился:

– Привычка, Петя.

Помолчал, еще раз оглянулся, потом пояснил:

– На тебя бы посмотреть, как ты будешь от слезки уходить, – потом добавил: – Хотя, конечно, лучше бы без этого.

Прошли еще несколько метров, и Козлов сказал:

– Теперь ты оглянись, посмотри внимательно – нет ли кого?

И только получив ответ, что никого нет, заговорил:

– Дело тут серьезное, а мы тебя не знаем, товарищ Миронов. С одной стороны, это плохо – никто не даст подробную характеристику, с другой – хорошо, потому что о тебе никакой предатель почти ничего немцам рассказать не сможет.

Миронову показалось, что это «почти» было какое-то нарочитое, с намеком. Козлов после паузы глянул на Миронова и, кажется, был рад, что тот шагает молча.

– Получается так, что ты в настоящее время – одна из лучших кандидатур для очень серьезного дела, Петр Кириллович. Придется тебе немного передислоцироваться в целях улучшения материальной базы.

Миронов невольно поморщился, естественно, предварительно отвернувшись в сторону: что за страсть у партработников к мудреным речам! Говорил бы проще.

А Козлов, будто подслушав, сказал:

– В общем, давай, я тебе проще расскажу: решено твой отряд сделать базовым отрядом для операций особого назначения. Что за «особое назначение», сказать не могу – дело секретное, узнаешь в свое время. В настоящий момент, что это будет для тебя означать? Придется провести некоторые, так сказать, преобразования, что ли... В общем, отряд твой мы усилим, но не за счет каких-то новых бойцов, а просто освободив тебя от женщин и детей, от пожилых людей. Мы их переведем в другое место, в другие отряды, чтобы твой отряд стал мобильнее, понимаешь?

Но Миронов не понимал:

– Это как же – «переведете»? Это же семьи, это же родные люди! Как же они согласятся на такое? Я их уговаривать не буду!

Козлов резко остановился и развернулся так, что перегородил дорогу Миронову, и лицо его приняло неприятное выражение. И голос стал каким-то неприятным, требовательным, укоряющим:

– Ты, Миронов, эти школьные штуки брось! «Семья», «родные люди» – это там было, – Козлов махнул рукой за спину, в далекое уже довоенное прошлое.

Потом махнул рукой обратно и вниз, будто упираясь в землю:

– Перед тобой будет такое задание, что ты, возможно, через день да каждый день в боях будешь, а ты детей и стариков с собой брать хочешь!

Он снова достал папиросу, но сейчас уже прикурил спокойно, не оглядываясь по сторонам, и двинул дальше, не обращая внимания, идет ли Миронов за ним следом.

Потом, едва повернув голову, продолжил уже спокойным тоном:

– Война, Петр Кириллыч, дело, конечно, непривычное не только для тебя, но и для тех, кто постарше. Война-то сейчас новая, другая. Не всякий командир свой маневр понимает, не

все могут брать на себя ответственность. Ты хоть и партизан, а не сам по себе, не артель собрал. Тут ведь есть люди, которые поначалу обстановку-то и не поняли. Некоторые просто под немцем оставаться не хотели, боялись. А теперь у них, понимаешь, психика меняется. По лесам-то ведь не пару-тройку дней хорониться придется. Всем уже ясно, что борьба предстоит долгая. И важно тебе понять, Петро, что в этой борьбе героизм-то понадобится особый, я бы сказал, повседневный героизм, героизм ожидания. Сидеть и знать, что в любой момент враг может нагрянуть, это, я тебе доложу, выматывает и бывалых мужиков, а уж детей и стариков тем более. Так что война, товарищ Миронов, – наша с тобой война – дело серьезное, тут самостоятельность не нужна. Много бед она принесла и еще много принесет, если не оберечься. Ты над этим подумай! Seriously подумай! Как коммунист!

– Так, я ведь не коммунист, товарищ Козлов, – почти растерянно признался Миронов.

Козлов остановился и резко развернулся всем корпусом в сторону Миронова, и на лице у него отражались и недоумение, и досада.

– Вот так вот! – воскликнул он. – Вот тебе и недостатки того, что не готовили тебя заранее на такое дело! Ну хоть комсомолец?

И, не дожидаясь кивка, сказал как о решенном:

– Придем в лагерь, и, пока я с людьми буду говорить, объяснять ситуацию, пиши заявление о приеме в партию, рассмотрим.

Повернулся и пошел дальше.

Потом, повернув голову, сказал:

– Да ты не волнуйся! Ты делом доказал свою партийность, так что возражений не будет, я полагаю. И давай не отставай, шагай шире, иди рядом!

Поздно вечером, перед уходом, забирая заявление Миронова, отвел его в сторону:

– А задание будет тебе такое, что дня через два-три придет к тебе скоро товарищ один, скажет, что от Баранова Ивана Васильевича привет принес...

Услышав, как Козлов «переименовал» свое имя, Миронов не смог сдержать смех. Да тот и сам улыбался, а потом пояснил:

– Я, брат, коммунист без подпольного стажа, конспирации сейчас приходится учиться на ходу. Баранов – фамилия простая, и не всякий поймет, что я ему «родственник по животной части»!

И Козлов снова засмеялся.

– Так вот, ты этого товарища и тех, кого он приведет, должен будешь сопровождать по маршруту, который только он знает и тебе назовет.

Потом помолчал:

– И ты должен их безопасность обеспечивать всеми силами и способами, Петр.

Снова помолчал:

– Дело, надо полагать, опасное, поэтому не исключено, что... не вернуться они... Сам понимаешь – война. И это ты тоже должен иметь в виду. И то имей в виду, что, возможно, кто-то по их следам отправится в твою сторону, понимаешь? Я про то, что следом за ними могут пойти немцы. Они сейчас создают спецгруппы для борьбы с партизанами. Называются «каратели». Зверье туда понабрали всякое: тех, кто в плен сдался, кулаков, уголовников, ну и тому подобную злобную шваль! Но местность они хорошо знают, и в крайнем случае для скорости могут и на грузовиках перемещаться. Это ты тоже имей в виду и людям разъясняй. Мы, конечно, можем и приказать, но, сам понимаешь...

Козлов как-то неопределенно повел рукой в воздухе.

– В такое время с близкими разлучаться тяжелее: никто не знает, что будет через день, через два, а то и через пару часов. Так что всех, кто не может принимать активного участия в боевых действиях, надо переводить в безопасное место.

И снова замолчал ненадолго, потом сказал, стараясь говорить мягче:

– Не обижайся, что сказано тебе немного, а будет сказано еще меньше, но дело это важнейшее. О нем, чтобы ты знал...

Козлов запнулся.

Продолжил, понизив голос:

– Так тебе скажу, что, возможно, сам товарищ Сталин это задание дал.

Потом, после недолгого молчания, спросил:

– Мать-то с сестрой в селе остались?

Миронов не сразу понял, что речь идет о его маме и старшей сестре, потом кивнул:

– В селе.

– Ты вот что, Миронов, – Козлов задумался, потом продолжил: – Даю тебе полчаса – напиши-ка маме письмецо, но так хитро пиши, чтобы чужим непонятно было, что это от тебя, но чтобы она это сразу поняла, с первой буквы. С этим письмом верные люди пойдут в село и переправят ее туда же, куда твоих стариков и детей отправят.

И, увидев недоумение на лице Миронова, пояснил:

– Ты, в самом деле, думаешь, что немцам никто не скажет, чья она мама? Немцы, брат, шутить не будут, сам понимаешь. Так что место ей в лесу, так и напиши, чтобы и не вздумала возражать, я и так лучшими людьми рискую для этого случая.

Еще немного помолчал, будто взвешивая «за» и «против», потом все-таки сказал:

– Сестру-то, думаешь, не тронут, если муж ее полицей?

Миронова после этих слов будто кипятком окатило, а Козлов продолжил как ни в чем не бывало:

– Поначалу подумали, что это он по твоему заданию в полицаи пошел, а потом смотрим: гад он настоящий, кого хочешь продаст, если выгоду увидит. Смотри, Петя, может, и сестру с племяшами увести в лес?

О маме и сестре Миронов узнал совсем недавно: люди, посланные на разведку, сообщили, что встретили дальнего родственника, а уж от него и узнали новости о семье командира. Они и о сестрином муже полицае сказали как-то невнятно, вроде слышали, а вроде и не слышали.

Ну, а теперь все стало ясно. Дмитро, пришедший с Волыни сразу после Гражданской, долго жил бобылем, присматривался, а потом посватался к сестре Елене, Ёлочке. Жили вроде, как все, ребятишек родили, а вот, поди ж ты, как человек меняться может. Детишек жалко, Марека и Зосю.

Миронов зло сплюнул.

Козлов шагал, будто ничего не видел, не слышал.

Человек от него появился через три дня, и пароль произнес без смеха, без улыбки. Пожав руку, осмотрелся, предложил:

– Пойдем-ка, проверим твои дозоры.

Оставить свой заплечный мешок отказался, только взглядом мазнул как-то странно.

Отойдя метров на сорок, зайдя за кустарник, предварявший лес, заговорил:

– Зовут меня Левашов, Андрей Силыч. Формально прибыл сюда для важного дела, для помощи в организации партизанского движения. Ты об этом завтра перед строем объяви. Буду твоих орлов, да и в других отрядах тоже, взрывному делу, тактике боевых действия обучать, да много чему еще. Сам увидишь. Но есть дело, о котором никому, кроме тебя, знать не надо. Сейчас мы с тобой прогуляемся до моих товарищей, которые пока в лесу нас ждут.

Миронов перебил:

– Так давайте их в лагерь! Поедут, отдохнут с дороги! – он снова наткнулся на взгляд Левашова, который коротко кивнул:

– У тебя свои заботы, а о нас пока твои люди должны знать как можно меньше, – и продолжил: – Сейчас я тебя познакомлю со своим заместителем, Переверзевым. Имя-отчество у него ...старорежимные... Аристарх Иович. Потому любит, видишь ли, когда к нему по фами-

лии обращаются, имей в виду. Мужик он серьезный, дело свое знает и останется у тебя. Я потому и сказал, дескать, буду и в других отрядах работу вести, что через день-другой уйду, а Переверзев тут останется с несколькими людьми за базой присматривать. Работать будете в тесном контакте, постепенно он тебе все расскажет. А мы, как дела сделаем, так и вернемся.

Люди, прибывшие с Левашовым, ждали в лесу, километрах в трех от базы отряда. Сколько их там было, Миронов не увидел, понимал, что есть люди, а видеть, почти не видел. Так, промелькнет силуэт среди деревьев и никакого шума. Сразу видно – люди обученные и дело свое знающие.

Когда начало темнеть, Миронов с Переверзевым отправились в отряд. По дороге почти не разговаривали, а как пришли, тот наскоро перекусил и спать лег, где указали, проронив за вечер не больше десятка слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.